

Ж К С (ЧУВ)

Л 56

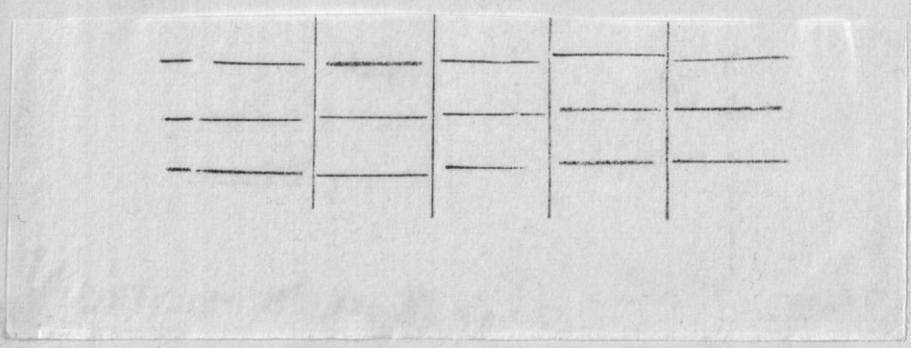
Ж - 59593

ЛИК ЧУВАШИИ

1 '97

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ЧУВАШСКОЙ КУЛЬТУРЫ
AN INTERNATIONAL MAGAZINE OF CHUVASH CULTURE "LIK CHUVASHII"
ПĔТĔМ ТĔНЧЕРИ ЧАВАШ КУЛЬТУРИН ЖУРНАЛĔ "ЛИК ЧУВАШИИ"

ЛИК ЧУВАШИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ЧУВАШСКОЙ КУЛЬТУРЫ
AN INTERNATIONAL MAGAZINE OF CHUVASH CULTURE "LIK CHUVASHII"
ПĔТĔМ ТĔНЧЕРИ ЧАВАШ КУЛЬТУРИН ЖУРНАЛĔ "ЛИК ЧУВАШИИ"

Соучредители:

Министерство культуры и по делам национальностей Чувашской Республики,
Представительство Чувашской Республики при высших органах управления
Российской Федерации, Московское городское общество чувашской культуры,
Редакция журнала "Лик Чувашии"

Главный редактор - **Б. Б. Чиндыков**

Редакционный директор - заместитель главного редактора - **Д. Ш. Гайнутдинов**

Редакционная коллегия:

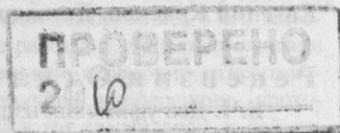
- А. И. Дмитриев** - ответственный секретарь
И. В. Митта - редактор отдела критики и публицистики
З. В. Филиппова - редактор отдела литературы

Общественный редакционный совет:

А. Н. Александров	П. Н. Муллин
А. Г. Васильев	В. В. Погильдяков
Н. В. Воронцов	А. П. Прокопьев
Г. Н. Гордеева	П. П. Седойкин
Н. И. Григорьева	А. А. Трофимов
Г. Д. Данилова	А. П. Хузангай
О. Г. Денисова	Ф. Е. Уяр
В. П. Иванов	

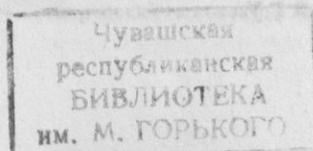
Международный совет:

- Геннадий Айги** - председатель Совета (Чувашия)
Троелс Андерсен (Дания)
Улдис Берзиньш (Латвия)
Леон Робель (Франция)
Чаба Табайди (Венгрия)
Питер Франс (Великобритания)
Джеральд Янчек (США)
Акимичу Танака (Япония)

№1. (73). 1997. Выходит четыре раза в год. В 1941-1988 гг. издавался под названием "Дружба" в качестве альманаха.

© Международный журнал чувашской культуры "Лик Чувашии". 1997.
Чебоксары - Москва

Ж-59593

СОДЕРЖАНИЕ

Хроника культурной жизни	3
Вести из диаспоры	7

Л и т е р а т у р а

Нелли Петровская. Белая лилия. История любви. Перевод И.Митта ...	9
Анатолий Юман. Стихи. Перевод Г.Медведовского	43
Борис Чиндыков. Ужин после полуночи. Драма. Перевод автора	46
Галина Гордеева. Книжка с картинками	63
Дебют	
Александр Оношин. Тюльпаша. Рассказ	67
Евгений Кремчуков. Стихи	78
Василий Самойлов. Рассказы	80

В о с п о м и н а н и я

Федор Уяр. О Н.Д. Телешове. Перевод И. Митта	86
--	----

И с к у с с т в о . К у л ь т у р а

Радий Рахимов. Банки и их архитектура	92
К обложке номера	
Г.Орков. Волшебный реализм Жукова	95
Владимир Михайлов: "Мечтаю о "Всенощной" Рахманинова ..."	98
На переломе. Стенограмма. Подготовка публикации Г.Даниловой ...	103

Л и т е р а т у р о в е д е н и е

Атнер Хузангай.	
Боевой дух Саркела и пессимизм в лирике П.Хузангая	118
Педэр Хузангай. Саркел. Поэма	120

С р е д и н н а я з е м л я

Н. Федосова. Этническая история и культура оренбургских чувашей	123
---	-----

С т р а н и ц ы и с т о р и и

Евгений Краснов. Двенадцать писем, или прерванная дружба	128
--	-----

Р е ц е н з и и . О т к л и к и . Р а з м ы ш л е н и я

Б.Ч. Два уфимских издания	149
Марина Казанкова. Новинка музыкального киоска	150
А. Юм. Национальный менталитет Самары	151
И.М. Нас читают и любят	151

Библиография	153
--------------------	-----

Д а й д ж е с т	158
-----------------------	-----

Памяти Виктора Ворошильского	162
------------------------------------	-----

Наши авторы	164
-------------------	-----

S u m m a r y	168
---------------------	-----

НЕЛЛИ ПЕТРОВСКАЯ

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

История любви

Перевод Ирины МИТТА

Принято говорить о литературе вообще, и в то же время выделять какую-то ее часть, которая называется "женской прозой", "женской поэзией". С позиции феминисток это, конечно, весьма уязвимо.

Повесть Нелли Петровской "Белая лилия" вполне может быть отнесена к этой части чувашской литературы. Она была хитом прозы 70-х годов, и я отчетливо помню, как мы, группа чувашских аспирантов, обучающихся в разных вузах Москвы, жадно набрасывались на каждый свежий номер журнала "Таван Атал", в котором печаталась эта повесть. Нам приходилось даже становиться в очередь за новой порцией "перебоев чувств" Гали, Гены и Нади - героев этого повествования. Стилистика женской прозы проста: объяснения в любви, томления, встречи героев любовного треугольника, взгляды, жесты, объятия. По канве разбросаны афоризмы во славу любви, навроде "любовь красива чистотой, жизнь - доверием друг к другу", или "вот какова природа: дарует человеку жизнь, любовь, а потом безжалостно

отнимает" и т.д. Череда пейзажей, среди которых главное место занимает озеро с белыми лилиями. Белая лилия как простой и наивный символ всей вещи. Такая стилистика как целебный бальзам ложится на душу и доярки, и школьницы-старшеклассницы, и чувашских интеллектуалов. По ней можно было осваивать арифметику любви. (Хотя еще раньше я начал осваивать азбуку этой области людских взаимоотношений по стихам Педэра Эйзина, но то была поэзия.)

Должен признаться, что "Белая лилия" была чуть ли не первым произведением чувашской прозы, прочитанным мною целиком и с захлеб. Тем не менее, перечитав повесть сегодня (хотя меня сейчас более занимает в силу возраста теория вероятности любви, теория множеств любовей, что можно отнести к высшей математике жанра), я вспомнил то время и те перебои своих чувств, которые каждый переживает в определенный момент жизни.

ЮЛ ХАРТ

Село, где я родилась и выросла, расположено в низине. На горизонте показались долгожданные кроны деревьев, и я попросила водителя остановиться: дальше я всегда иду пешком. Прекрасно понимаю, что в деревне меня никто не ждет, но все равно настроение приподнятое, хочется добраться как можно быстрее. Тучи опустились низко-низко, того и гляди, хлынет дождь. По обе стороны дороги, низко клонясь друг к другу, шумят колосья ржи. В их незатейливом шепоте мне чудится дивная мелодия... Вот рожь кончилась, на соседнем поле цветет люцерна - бескрайнее море желтых, белых цветочков, напоминающих маленькие звездочки. Каждая травинка, каждый цветочек кажутся знакомыми, родными, словно здесь из года в год расцветают те же самые цветы и травы, что и в моем детстве... А вот и кладбище. Я привычно свернула на дорогу, ведущую к кладбищу. Там лежит моя мама. Я приезжаю к ней каждое лето. Пробираясь среди деревянных крестов к заветному месту, я заметила свежую могилу с новым памятным, взглянула на фотографию.

- Боже мой! Это же Галя!.. - В груди похолодело, не хотелось верить, но и фотография, и имя - все ее, Галино. На серой плите - засохшая белая лилия.

Я растерянно застыла на месте. Перед глазами промелькнули не такие уж далекие дни детства. Мои детские годы, ранняя юность связаны с Галей, без нее невозможно представить ни одного дня из той жизни. Мы вместе готовили уроки, бегали на ферму доить коров - помогали моей маме. В Галиных туфлях я немало пробегала в клуб, ей поверяла свои первые девичьи секреты...

У могилы Гали я почувствовала себя маленькой, беззащитной. Сколько простояла так - не знаю, рев мотоцикла заставил меня очнуться. Не разбирая дороги, он на бешеной скорости объехал вокруг кладбища. Я узнала Аркадия. Так и не притормозив, он помчался в село. Со стороны поля послышалась песня. Должно быть, девушки возвращались с работы. Веселые голоса приблизились к кладбищу и замолкли. Девушки на телеге негромко переговаривались. Но едва отъехав от кладбища, звонкий голос снова устремился в небо, к нему

присоединились другие, не столь красивые, но все какие-то легкие, жизне-
радостные.

И эти непростительно веселые голоса, и Аркадий, гнавший мотоцикл словно сумасшедший, и свеженасыпанная могила - все было как дурной сон. Я вышла с кладбища и пошла в село, к Галиной бабушке.

Может быть, в глубине души я надеялась, что все увиденное - какое-то чудовищное наваждение: вот найду в этот хорошо знакомый, почти родной дом и оно рассеется, все станет на свои места. Но едва открыла дверь, со всей неотвратимостью поняла: ничего не изменится, случилось самое страшное...

Галина бабушка сидит возле стола. Из-под легкого черного шарфика выбились седые прядки. Я поздоровалась. Она как-то испуганно посмотрела на меня.

- Гали нет. Галя оставила меня, - проговорили чуть слышно серые губы.

Я прошла, села на стул. Язык не поворачивался ни расспрашивать, ни утешать ее.

Она поднялась.

- Гали больше нет, - старушка всплеснула руками.

Должно быть, она тоже не могла до конца поверить в случившееся.

- Елена Сергеевна, родная! - вырвалось у меня. Хотелось как-то успокоить ее, словно это было возможно. Но слова не находились, я только ломала в отчаяньи руки.

- Я-то ладно, мне недолго страдать, скоро самой лечиться рядом с Галей. Мать вот жаль, ей на всю жизнь горе.

Елена Сергеевна надела теплую кофту.

- Идем, покажу, где умерла Галя, - она тяжело встала, первая пошла к двери.

Мы прошли через сад и вышли к озеру. Оно казалось мрачным, отрешенным, будто человек, погруженный в свое горе. Елена Сергеевна села на пень возле берега. Я встала позади нее, опираясь спиной о дерево, и смотрела на тусклую озерную гладь.

- "Галя, Галюшка, как же так?" - прошептала я. Никто не ответил. Только ветер, предвещавший дождь, коснулся трепетной дланью белых лилий на озере, и они, качаясь и наклоняясь друг к дружке, о чем-то зашептались; прозрачные капли, брызнувшие на их лепестки, скатились обратно, словно слезы.

- Если бы Галя могла, она рассказала бы тебе историю своей любви, - неожиданно звонко заговорили белые лилии. Ветер утих. Я опустила на колени и приготовилась слушать.

ГАЛЯ

Я остановила мотоцикл на обочине и подбежала к колодезному журавлю. Незнакомый парень пил из бадьи.

- Ой, дай мне тоже водички, умираю хочу пить, - попросила я. Он с готовностью придвинул бадью. - Спасибо, - поблагодарила я и неожиданно для себя посмотрела ему в глаза. Они были большие и светлые, точнее, светло-голубые. Мне почему-то тут же расхотелось пить.

- Пейте на здоровье, - улыбнулся парень. И без того бледное лицо его стало еще бледнее, потом вдруг покраснело, в глазах полыхнули радостные искорки. Он вплотную приблизился ко мне и взволнованно спросил: - Кто ты? Откуда?

Меня захлестнуло какое-то незнакомое дотоле чувство. Казалось, я падаю в бурный костер, обжигаясь жарким пламенем.

Парень, не сводя с меня глаз, протянул руки к полной до краев бадье и нечаянно толкнул ее. Я стремительно нагнулась, успела подхватить бадью. В этот момент косынка на моей голове развязалась и упала в колодец. Я забыла, что собиралась попить, повернулась, чтобы побежать к мотоциклу, но он удержал меня за руку. Я еще раз взглянула на него. Парень смущенно пригладил светлые кудри, свесившиеся на лоб, молча посмотрел в глаза. Его взгляд говорил о самом дорогом, сокровенном, я поняла его, мне не хватало воздуха, грудь сжималась от сладостной боли, по телу словно пробежал огонь.

Парень молчал. Стараясь не смотреть на него, я выбежала на пыльную дорогу, завела мотоцикл и помчалась по дороге, невольно оглядываясь на колодезный журавль, но сзади клубилась густая пыль и ничего не было видно. Впереди в полуденном зное дремала родная деревенька.

...За нашим садом есть небольшое красивое озеро. Его тесным кольцом обступили старые ивы, поэтому вода в озере всегда темная, а возле берега, словно

обрамляя черный занавес белой каймой, растут лилии. Мелкие волны на глади озера играют в вечные догонялки друг с другом, и серебристая нитка белых лилий колышется им в такт. У озера мне всегда становится радостно, хочется дурачиться, смеяться, обнимать деревья, прижиматься лицом к нежно трепещущим лилиям. А сегодня почему-то меня охватила грусть. Пытаясь перебороть тяжелые чувства, я быстро разделась, вошла в воду. Теплая вода мягко обволокла тело, успокоила. Дурачась, я ударила по воде ладонью, и во все стороны брызнули тяжелые капли, к плечам накатили небольшие волны, стали добродушно ласкаться. Я невольно засмеялась, подплыла к белым лилиям. Вдруг почувствовалось, что они живые. Я прислушалась, словно они и вправду могли говорить. Но было тихо. Тогда я сорвала два крупных цветка, вплела их в волосы, легла на спину и поплыла. В душе стала рождаться мелодия, я негромко запела. На ветвях старой ивы, вошедшей по грудь в воду, птицы подняли переполох, словно пытаются заглушить мой голос; в сосняке за деревней куковала кукушка. Вспомнив, что бабушка просила не опаздывать к ужину, я повернула к берегу. Метрах в двух-трех от него нащупала ногами дно, поднялась во весь рост. В этот момент из-за дерева появился тот самый парень, заагал прямо на меня. Он дошел до кромки воды и остановился, не сводя с меня глаз. Я забыла, что на мне только купальный костюм, шла к берегу навстречу парню. Моя обычная застенчивость исчезла, я, словно замороженная, смотрела ему в глаза, что-то искала в них... В саду притихли соловьи, кукушка в сосняке прокуковала в последний раз и замолчала, и золотое колесо солнца заторопилось скрыться за лесом.

- Кто ты? - тихо спросила я.

- Кто ты? - так же тихо переспросил парень. Его голос показался мне моим собственным эхом, я закрыла глаза. Парень, столько лет грезившийся в мечтах, приходивший ко мне, как только я ложилась спать, теперь стоял передо мной. Испугавшись, что он опять исчезнет в призрачной дымке, я открыла глаза. Это он, действительно он! И голос - знакомый, близкий голос, шептавший мне вечерами самые нежные, самые ласковые слова на свете. Я шагнула навстречу ему и почувствовала, как в пятку вонзилось что-то острое.

- Кто ты? Кого ищешь? - Я спросила не задумываясь, это был голос сердца. Парень посмотрел на мою ногу и прямо в светлых ботинках вошел в воду.

- Я хирург, - сказал он, наклоняясь. Только теперь я заметила, что вода возле моих ног окрасилась кровью. Не проронив больше ни слова, он взял меня на руки, отнес на пену у самого берега. Оказывается, я наступила на рыболовный крючок. Хирург даже не попытался вытащить его, осторожно подхватил меня под руку и повел вдоль озера в больницу. Он поддерживал очень бережно, ласково улыбался, глядя в глаза. В одно мгновение весь мир превратился в один прекрасный сад, где росли чудесные цветы. Я ворвалась в этот божественный мир красоты, в мир, куда давно звала грезившаяся в мечтах любовь. От радости хотелось одновременно и петь, и плакать. Мы пришли в больницу. Парень усадил меня и стал готовить инструменты.

- Отвернись, - твердо сказал он.

Я послушалась, но только на секунду, потом уже не отрывая глаз смотрела, как он взял скальпель, разрешил пятку, вытащил и бросил крючок в таз, забинтовал рану. Любовь, впервые вспыхнувшая в сердце, совершенно заглушила боль.

Врач помыл руки. Я прекрасно понимала, что надо встать, поблагодарить его и уйти, но не могла сдвинуться с места, словно какая-то непонятная сила пригвоздила меня к стулу и не давала подняться.

- Меня зовут Гена, - сказал он вдруг почему-то шепотом.

- Галя.

- Ты хорошо говоришь по-чувашски.

- Я чувашка.

- Правда? А я подумал, армянка...

- Мой отец армянин, он погиб на войне. Мама чувашка.

С шумом хлопнула входная дверь, в кабинет громко постучали. Я вскочила на ноги, шагнула к двери.

- Тебе нельзя ходить...

В дверь снова постучали. Гена, усадив меня, ринулся к выходу.

- Ты куда? - вырвалось у меня.

- Схожу за платьем... Я быстро, - он выскочил из кабинета.

Только теперь я вспомнила, что сижу в одном купальнике. Мне стало неловко. Я открыла дверь, чтобы уйти, но столкнулась с Геной - он уже возвращался

с платьем. Он завел меня обратно, помог одеться. У посетителя, видимо, лопнуло терпение, он распахнул дверь и вошел в кабинет. Это оказался наш тракторист. Увидев меня, он очень удивился.

- Галя?.. Что случилось?

- На крючок наступила, - ответил за меня врач. Тракторист с хитровой улыбкой взглянул на меня и принялся торопливо рассказывать о своей беде. Я тихо вышла из кабинета.

Разве сейчас можно думать об ужине?.. Не заходя в дом, я направилась в сад. Не люблю хвастаться, но он у нас очень красивый. Между раскидистыми яблонями, посаженными в ряд, растут ягодные кусты. К озеру от самого крыльца ведет прямая как ниточка тропинка; по обе стороны от нее много цветов. Вдоль изгороди растет сирень, в углу шелестит листвой всегда печальная рябина, рядом склонилась ветви молодой береза. Это мой любимый уголок. Когда училась в школе, я любила здесь читать, делать уроки, позднее готовилась к экзаменам, а когда поступила в академию, этот прикипевший к сердцу уголок часто снился мне во сне.

Я села на скамейку. Кудрявая береза словно соскучилась: склонилась ко мне и зашуршала, захлопала листьями-ладошками. Прохладный ветерок напомнил, что приближается вечер. Словно приветствуя, он пробежался по березовым ветвям и стремглав помчался дальше, к смородиновым кустам, ласково, но властно тронул их изящные темно-зеленые веточки. Повиснув, как на качелях, покачался на тонкой рябине и, прокравшись между яблонями, вернулся к березе. Он перебегал с одной ветки на другую, посвистывал, словно мальчик-шалун. На другом конце сада заливался соловей. В кустах смородины тоненько прощebetала какая-то птичка и умолкла, погрузилась в короткий летний сон. Я сидела, не в силах вырваться из объятий вечернего сада. Сегодня у меня самый счастливый день, моя любовь расправила крылья. Хотелось обнять каждое дерево, каждый кустик. На сердце было светло, спокойно, как после благодатного ливня. Мне ни о чем не хотелось думать.

Послышались легкие шаги. Я вскочила и побежала навстречу тени, мелькнувшей среди яблонь.

- Галина, доченька, я заждалась тебя, - бабушка остановилась. Должно быть, она заметила перевязанную бинтом ногу, всполошилась: - Что с ногой?

Я засмеялась.

- Ничего страшного, бабушка... - я обняла ее за плечи, и мы не спеша пошли к дому.

- Галина, ты сегодня какая-то странная...

Я остановилась. Бабушка пристально смотрела на меня. Вряд ли можно что-то увидеть в темноте, скорее всего меня выдал мой голос. Конечно же, она ждала, что я все расскажу, но я, и обычно молчаливая, сегодня тем более скупилась на слова, не могла произнести вслух то, что было на сердце. Кажется, бабушка поняла, взяла меня за локоть и вывела из-под раскидистой яблоньки. Я подняла голову. Кто не видел летнего неба, усеянного звездами, словно жемчужинами! Радостно улыбалась полная луна. Все-таки она большая гордычка: вовсе не скучает в одиночестве, ей достаточно того, что она красива и может заставить всех смотреть на себя. Сколько себя помню, я всегда любила смотреть в небо. Когда была маленькая, ложилась на землю, раскинув руки, и неотрывно глядела на облака. То они были похожи на сказочных великанов, то на причудливые дворцы, а то вдруг среди гряды облаков проступало что-то страшное, косматое...

Бабушка рассмеялась, глядя на меня. Она тоже родилась не старенькой, ей тоже когда-то было двадцать три. Но тогда она была не беззаботным молодым специалистом, а вдовой с ребенком на руках. Я увидела в ее глазах беспокойство - может, так волнуются лебеди, когда их птенцы собираются в собственный полет, прощаются с ними?..

- Кто он? - спросила бабушка.

В ее голосе не было особой тревоги, но я увидела, как подрагивают ее губы, и мне стало неловко. Я нечаянно задела ветку смородины и капельки росы упали на мои руки.

- Ты бы поосторожнее, - попросила бабушка. - Хирург? Интересный парень. Утром с ним познакомилась, - последние слова она произнесла так, словно беседовала сама с собой. Потом положила руку на мою голову: - Кто бы он ни был, я желаю тебе только счастья, Галюшка...

В соседнем переулке послышался голос гармошки. Она громко всхлипывала, протяжно вздыхала - звала кого-то, грустила.

- Аркадий, верно, - бабушка легонько потянула меня за косы. - Доброе сердце у парня, на чье уж счастье родился... Когда ты училась в академии, все время о тебе спрашивал.

Я не обратила внимания на бабушкины слова. И печальный голос гармони не тронул меня. Хотелось петь, смеяться, кружиться в веселом танце. Мы зашли в дом.

- Нельзя жить только любовью, иногда надобно и поесть, - бабушка ласково посмотрела на меня.

Я села за стол, но есть по-прежнему не хотелось. Я вся была наполнена счастьем. А когда зашла в свою комнату, удивилась: вещи в ней словно обновились, стали красивее. Я подошла к окну: сирень в палисаднике распустилась, ветви горделиво поддерживают богатые гроздья. Я растворила окно, и комната наполнилась запахом сирени, моя крошечная обитель превратилась в настоящий рай. Негромкие всхлипы гармони приблизились к саду и остановились. Не спится Аркадию.

Сердце любит только раз...

Мне тоже хотелось запеть. Полная луна скользнула по ветвям и приблизилась к окну, зацепилась за раскрытую раму, ее светлые блики вздрогнули, качнулись, словно не решаясь заглянуть в комнату. Но вот она бесшумно вспрыгнула на подоконник, осторожно продвинулась к моей подушке, осветила ее. Луна обнимала, ласкала меня, но я не чувствовала тепла. Вдруг под окном раздались негромкие шаги. Я прислушалась, затаив дыхание. Шаги становились все ближе, с шумом качнулась и хрустнула ветка сирени. Я осторожно поднялась, стараясь ступать как можно тише, подошла к окну, раздвинула краешек занавески. Под кустом сирени стоял Гена. Уже и луна скатилась за сад, восток окрасился в светло-серый цвет, а Гена все стоял под сиренью. На повети в сарае прокукарекал петух, и он вздрогнул, словно очнувшись. Мне захотелось окликнуть его, я едва сдержала себя. Вот он подошел к окну, приблизил букет к лицу, словно уткнулся в него, потом положил на подоконник и большими шагами вышел из сада. Я взяла тяжелые цветы в руки. Они были живые, влажные. Осторожно прижав их к груди, я закрыла окно, упала на кровать и тут же уснула.

Рассвело. Я открыла занавеску. На роскошных гроздьях сирени висели крупные капли росы. Комната наполнилась птичьим гомоном. Трели соловья, щебет ласточки, голос кукушки, со свежими силами отсчитывающей чьи-то годы в соняке - все слилось в прекрасный утренний хор. Торопливо одевшись, я осторожно открыла дверь в большую комнату - не хотелось будить бабушку, но она, конечно же, встала раньше меня. Увидев, как я ступаю на носочках, бабушка забеспокоилась:

- Может, отсидеться пару дней дома? Коли рана нагноится, больше времени потом потеряешь.

Я не ответила, поцеловала ее пахнущие молоком руки и заторопилась во двор, а через несколько минут уже ехала в поле. Остановилась возле колодца, где вчера впервые увидела Гену. Бадья полна до краев, кто-то уже пил из нее. Я не стала выливать воду, придвинула бадью поближе, наклонилась и увидела, как качается в воде мое отражение. Какое-то время я бездумно глядела на него. Вспомнилось, как попросила у Гены воды, мне очень хотелось пить, но ведь я так и не смогла вчера это сделать... Не смогла! "Вспомни еще, как сорвался с головы платок и упал в колодец! Этот красавчик, лишивший тебя покоя, даже не шелохнулся, чтобы поймать его!" - опасливо зашептал на ухо незнакомый доселе голос. Я поежилась, отодвинула бадью и заторопилась к мотоциклу.

Сначала я поехала на поле возле оврага, где все село испокон веков берет глину. Здесь растет яровая пшеница. Всходы, пустившие уже по два-три листика, зябко ежатся под утренним ветерком. Вбирая соки земли, они день ото дня крепнут, наливаются силой. Я коснулась тонкого стебелька руками, и он мне вдруг напомнил младенца, лежащего в колыбели: перебирает ручками-ножками, лопочет что-то на своем языке и незаметно растет.

А вот и озимые. Всего за одну ночь всходы ржи заметно выросли.

- Глупенькие вы мои, ничегошеньки в жизни не понимаете, - я нагнулась к ним. Колоски наклонились под ветром до самой земли, зашелестели еще громче. Для кого-то это просто шелест, а я слышу в нем гимн, восхваляющий труд человека. Хлеба поют его до самой жатвы... Я походила по полю, посмотрела сорняки.

Есть, но немного. Вьюнок почти не встречается: прошлым летом этот участок пололи дважды, и это пошло на пользу. Лебеды тоже мало. Через недельку она отстанет от быстро идущих в рост всходов и погибнет... Я объездила дальние поля, заехала в правление - как всегда, день прошел незаметно. Ближе к вечеру подъехала к трактору, поднимающему ранний пар.

Увидев меня, Аркадий остановил трактор, с улыбкой вышел из кабины.

- Привет царице полей! - Он кинул пыльный пиджак рядом с бочкой с водой и принялся мыться.

- Ты за сегодня много успел.

- Угу, - прогудел Аркадий, продолжая мыться. - Смотри, идет.

- Где?.. Кто идет?

- Во-он там! - Аркадий выплеснул воду за трактор. Светлые капли, багрово сверкнув в лучах заходящего солнца, тяжело упали на землю. Аркадий зачерпнул полную пригоршню чистой воды, брызнул в мою сторону.

- Ой, погоди брызгаться! В озере искупаюсь.

- Я давно мечтал поплавать с тобой, но теперь есть кому ждать тебя у озера,- Аркадий пригладил волосы мокрыми руками.

- Если дело так пойдет, на днях закончим культивацию...

Дядя Василь, сменщик Аркадия, поздоровался с нами, сел в кабину.

- Ты тоже вся в пыли, давай умою, - Аркадий снова зачерпнул ладонью воду.

- Не надо, я... Что ты дурачишься? - я попыталась увернуться.

Аркадий приблизился ко мне вплотную. Он красивый парень: небольшой, аккуратный, как у девушки, рот, черные брови, большие жгуче-черные глаза, волнистые волосы. Крепкий, ладный, он не может не нравиться. Сколько девичьих сердец потеряло из-за него покой. Я взглянула на него и только сейчас поняла: его сжигает костер любви, из черных страстных глаз сыплются жаркие искры. Аркадий раскрыл руки. Я испугалась, что он сейчас сожмет меня в объятиях.

- Аркадий, ты как ребенок!..

Он вздохнул, махнул рукой и крупными шагами направился к моему мотоциклу. Я пошла следом. Вдруг Аркадий остановился и, резко повернувшись, посмотрел мне в глаза. Его смуглое лицо покраснело, губы чуть заметно подрагивали.

- Галя... Жизнь - удивительная штука. Говорят, нет таких преград, которые бы не преодолел человек. Я тоже верил в свои силы, мечтал, что смогу сделать жизнь красивой, непохожей ни на чью другую. Но не все в нашей власти. Невозможно заставить полюбить себя. Тут не помогут ни сила, ни уговоры. Я только сейчас это понял... Галя, без тебя я никогда не буду счастлив.

Я стояла перед ним совершенно растерянная.

- Молчишь. Я поселил тебя в своем сердце, не спрашивая твоего согласия...

- Аркадий, Лида хорошая девушка, она любит тебя...

- Знаю, но Лида не ты.

- Прости, но я бы ответила тебе так же.

- Конечно. Я всего лишь тракторист, а он врач. Не смог выучиться, не получилось...

- О чем ты, Аркадий? Разве любят за диплом...

- Образованный человек он и есть образованный. У него и манеры другие, и разговоры. А со мной о чем говорить? Я только и могу о радиаторе, моторе, но это неинтересно, ты сама знаешь о них не меньше моего.

Мне стало грустно. Нет, не потому, что Аркадий сказал что-то неожиданное, я всегда чувствовала, что когда-нибудь он скажет эти слова. Кажется, временами я и сама ждала их, тосковала. Но сейчас, после знакомства с Геней, мне было только неловко от них.

Аркадий по-прежнему смотрел на меня, пламень, бушующий в его глазах, пронзал сердце. Если бы он захотел взять меня за руку или попытался обнять, я бы оттолкнула его и стало бы хоть немножечко легче, но как оттолкнуть глаза?

- Я все понял, Галя! Ты была моей мечтой, мечтой и осталась... Ты не любишь меня, тебе нравится другой. Но чьей бы ты ни стала, я всегда буду любить тебя. Ты уже восемь лет в моем сердце, а этот хирург...

- Аркадий, почему ты молчал столько лет? - вырвалось у меня. Я даже не дала ему договорить.

- Сам не знаю, почему. Мне было достаточно видеть тебя, говорить с тобой...

Я уже ничего не понимала. Налетел сильный порыв ветра, закачал стебли, зашуршал ими, и мне показалось, что они тоже удивились.

- Это только со стороны легко рассуждать. А признаться в любви, когда любишь по-настоящему... Я не осмеливался подойти к тебе. А сегодня решился. Может, придет такой день, когда я буду нужен тебе.

Я отвела глаза. Аркадий прав: человек не очень-то силен, когда борется со своими чувствами.

- В моей жизни было счастливое время, - продолжал Аркадий. По вечерам я, крадучись, как кошка, пробирался в ваш сад, бесшумно перелезал через забор и пристраивался возле сени. Ты спала. Мне было слышно твое дыхание. Иногда ты читала стихи или тихонько напевала. Ты казалась мне такой сказочной, недоступной, словно с другой планеты... Осенью моя жизнь скучнела. Теперь я с вечера ждал рассвета, чтобы поскорей увидеться с тобой в школе. А когда ты уехала в город учиться, для меня наступили необъяснимо мучительные дни...

Он покачал головой, словно стяхивая воспоминания. Каждое его слово вонзалось мне в сердце. Я очень хорошо отношусь к Аркадию, искренне привязана к нему. Но что делать, что сказать, если это совсем не то, что чувствую к Гене?.. Если бы я не повстречала Гену, может, даже сказала бы сейчас: "Я люблю тебя". Но говорят, человек выдумал уважение для того, чтобы заполнить сердце, не ведающее любви. Все равно в свой час придет настоящая любовь, сама займет предназначенное только ей место... Я молча пошла к мотоциклу. Аркадий, словно пьяный, неровными шагами брел за мной.

- Молчишь... Вчера хирург всю ночь стоял под твоим окном. Ты любишь его?

Я кивнула.

- Невозможно заставить себя ни полюбить, ни разлюбить, - тихо проговорил Аркадий, надвинув синий берет на самые глаза.

- Аркадий, темнеет. Садись, нам пора домой.

- Нет, Галя, ты садись сзади. Сегодня я покатаю тебя.

Он завел мотоцикл и погнал. Подпрыгивая на ухабах, я то и дело стукалась об его спину.

- Не бойся, держись покрепче, иначе слетишь! - прокричал он.

Мы догнали девушек, возвращающихся с прополки. Они с визгом отскочили на обочину, пропуская нас. До деревни оставалось совсем немного, когда Аркадий неожиданно развернул мотоцикл, и мы той же дорогой помчались обратно в поле. Снова доехали до девушек.

- Эй, черти, когда на свадьбу позовете? - крикнули они.

Мы словно вихрь промчались дальше.

- Аркадий, куда мы едем?

- Галя, если бы можно было догнать любовь!

- Поехали домой!

- Не бойся!

Он свернул на тропинку и рванул к старому дереву в конце оврага, а в следующий момент так же на бешеной скорости развернул мотоцикл, и я чуть не слетела, судорожно вцепилась в него.

- Спасибо, Галя! - глухо проговорил Аркадий. Мы поехали в деревню. Вечерний прохладный ветерок, ударяясь о мои щеки, горячил их, словно раскаленное железо. Аркадий остановился возле своего дома.

- Приехали, - коротко бросил он сам себе.

Мы расстались, не попрощавшись. На душе было горько. Я вспомнила, что собиралась заехать в колхозный сад. Впрочем, если честно, мне хотелось увидеть тетю Руфу.

С севера колхозный сад защищен холмом, с востока его окружает лес. Поэтому даже в самую суровую зиму ему не страшны никакие морозы. Посередине сада светлеет продолговатое озеро, похожее на подкову.

Услышав шум мотоцикла, выбежала лохматая белая собачка тети Руфы, тоненьким голоском выговорила мне свое неудовольствие и во все четыре лапы кинулась к озеру. "Значит, старушка еще не ложилась спать", - обрадовалась я и тоже пошла на озеро. Тетя Руфа сидела на берегу. Когда-то иссиня-черные волосы покрылись серовой дымкой с серебристо-белыми нитями, рассыпалась по худым плечам. Я поздоровалась.

- А-а, Галина, доченька, я как знала, что придешь, ждала тебя.

Я уселась рядом с ней, скинула туфли на траву.

- Устаешь, поди, доченька. Целый день на ногах, - жалостливо посмотрела на меня тетя Руфа.

- Что там уставать, не пешком хожу.
- Старею, Галина, поближе к огню таяет.
- Ты очень изменилась после смерти дяди Василя.
- То-то и оно, одна-одинешенька осталась... Такое нельзя говорить вслух, но теперь вся моя жизнь в Аркаше. С ним тоже не просто. Больно уж отчаянный, непохож на сверстников.

Тетя Руфа наклонилась подбросить в костер сухих веток, ее лицо осветилось пламенем, и морщинистое старушечье лицо на мгновение стало блестящим, бронзовым.

- Ты не навсегда сюда переехала? - спросила я после недолгого молчания.
- Можно и так сказать. Авось остепенится мой сыночек, как поживет маленько один. Жениться бы ему надо, только за ум никак не возьмется.

Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться.
- Ты не бойся его, Галина. Сердце у него горячее, вот и озорует по молодости. Пройдет это с годами. В молодости я тоже такая была, легкая на мысли, скорая на шалости.

Какое-то время мы молча смотрели, как колеблется на глади озера отсвет костра. Озеро казалось светлее, чем обступившая его со всех сторон темень, и напоминало полную луну на темном небе.

- Золотые руки у тебя, Галина. Смотри, как разросся сад. Вишни, что ты посадила, может, на следующее лето и ягоды родят. Хорошо здесь стало, не налюбуешься. И на полях хлеба уродились. Любит тебя земля...

Я промолчала.

- Тебя любит...

Я сразу поняла, о ком тетя Руфа. Но как сказать, что в моем сердце другой?

- Не надо об этом, тетя Руфа...

Она как-то тревожно шевельнулась, потом вдруг поникла, словно ива в осеннюю непогоду. Вздохнула и снова устремила усталый взгляд на воду. Мы опять замолчали. Небольшой костер стал гаснуть. Белая собачонка, нетерпеливо перебиравшая лапками рядом с нами, наострила ушки и начала подпрыгивать, норовя поймать мошкарку, звенящую над головами. И так же неожиданно успокоилась, уставилась на потухающий огонь.

- Пусть тогда этот человек принесет тебе счастье, - заговорила тетя Руфа. Аркаша у меня горяч... Что поделаешь, в меня пошел, видать.

Я обняла ее за плечи.

- У тебя доброе сердце, тетя Руфа.

- В это чувашское село меня привела любовь. Я цыганка, и молодость моя прошла среди цыган. Отец был с норовом, его интересовали только деньги, деньги... Ради них мне с малых лет приходилось плясать, а вот выманить деньги гаданьем я не умела. Однажды табор остановился возле вашей деревни. Было лето, стояла жара. Я собралась пойти в деревню, чтобы раздобыть еды. Смотрю, на опушке леса сидят мужики. Все пьяные, лошади привязаны к деревьям, на телегах ситец, посуда, бутылки с самогоном. Я попросила у них денег и пустилась в пляс. Пьяные мужики хохотали, хлопали себя по ляжкам, сыпали похабщиной. "Пляши, пляши, молоденькая, я брошу к твоим ногам все свое добро" - закричал один и, шатаясь, подошел ко мне. И вдруг схватил меня, потащил к деревьям, стал рвать кофточку. Я кричала, упиралась, царапала ему лицо, кусала руки, но какие уж силы у девушки против здорового мужика. Он только ухмылялся и продолжал шарить по мне. Откуда ни возьмись, прискакали всадники, один из них подскочил к нам и ударил этого негодяя. Они схватились, я как дура застыла на месте и стою. Вот пьяный подмял парня под себя, в его руках блеснул нож. Я как кошка кинулась к ним и вцепилась зубами в шею бандиту. Сама не знаю, как это получилось. Брызнула кровь, нож выпал, подбежали какие-то люди... Потом узнала, что это были воры. По ночам они промышляли по деревням, а днем отсиживались в лесах.

Тогда и настигла меня любовь. Когда вора связали руки, я подошла к своему спасителю. Он брезгливо посмотрел в мою сторону. У меня словно сердце оборвалось. Высокий статный парень. На голове красноармейский шлем, сам в солдатской гимнастике, сапогах.

- Спасибо, Вы спасли меня...

- Красавица, не стоит гулять одной в лесу, - отрезал он холодно.

Я заплакала. Он, видать, сжалился, принялся утешать.

- Вот еще, не хватало сопли распускать. Все в порядке, о чем плакать...

Стараясь не смотреть на меня, он отвел глаза. Потом снял с себя гимнастерку, протянул мне: - Оденься, что ли, прикрой груди...

Только тогда я заметила, что стою в разорванной кофточке, застеснялась и сломя голову бросилась за деревья...

Я увидела его на следующий день. Он возвращался с охоты. Заметив меня, подошел, без тени шутки спросил:

- Почему ты не работаешь, красавица?

Я всю ночь просидела на траве. Что-то рвало мое сердце на части. С рассветом наш табор тронулся в путь. Разбив шатры далеко отсюда, возле большого леса, стали готовиться к моей свадьбе. После встречи с чувашским парнем я смотреть не могла на своего будущего мужа, которого подыскал отец.

"Почему ты не работаешь?" - звучало у меня в ушах.

В ночь свадьбы, бросив отца и цыганскую вольницу, взрастивших меня, я прибежала в это село. Молодая была, смелая. Отыскала Василя, упала перед ним на колени, ноги ему целовала, говорила о своей любви. В ту же ночь мы стали мужем и женой.

Тетя Руфа тихонько засмеялась.

- Я не могу вспомнить его ни одним худым словом. Любил меня. А вот на сельчан долго обижалась. Не жаловали они меня, только с годами притерпелись, стали считаться, увидев, какая я в работе...

Послышался топот копыт. Верхом на лошади прискакал Аркадий.

- Мать, я отвел корову на ферму.

- Ладно уж, как женишься, приведешь обратно, - ответила сыну тетя Руфа.

- Могла бы и дома жить. Что здесь одной торчать?

- Женись, нарожай детей, тогда вернусь, сяду к колыбели, отходить от нее не буду.

- Не любят меня девушки, от ворот поворот дают, - грустно улыбнулся Аркадий.

- Не обижайся на меня, сынок. Твой отец провел здесь свои последние дни. Вон ту скамейку возле сторожки тоже сам сладил, сидел на ней, курил. Пил из родника: ложился на землю и пил. Здесь все напоминает о нем...

Сын не ответил. Он лег на землю, попил из прозрачного родника, вытер губы кепкой. Потом не спеша подошел к лошади, потрепал по холке, а в следующий миг, оседлав ее, уже исчез из сада.

Тетя Руфа потеплевшими глазами проводила его, потом повернулась ко мне:

- Доченька, я надеялась видеть рядом с сыном тебя, из твоих рук хотела выпить перед смертью. Что поделаешь, в жизни часто получается не так, как хочется. Ну, счастья тебе, Галя.

Она поднялась, тяжелой походкой направилась к сторожке.

...Я поставила мотоцикл в сарай и пошла к озеру, помыться. Сад погрузился в покойную дрему. Только соловей заливался от души. Недаром про неутомимых людей говорят, что они с птичьей душой: ни днем, ни ночью не знает соловей покоя, все поет и поет. Я, словно маленькая девочка, стремглав понеслась по тропинке.

Радость переполняла меня. Я заметила, что кто-то сидит на прибрежном пне, и сердце забилося так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Увидев меня, Гена поднялся, сделал несколько шагов навстречу.

- Пришла? - тихо спросил он.

- Пришла. Ты ждал?

- Ждал...

Мы помолчали, словно давно были знакомы друг с другом.

- Ну как, привыкаешь к нашей деревне?

- Такое чувство, будто я родился здесь. Отныне где ты, там и моя родина.

- Разве ты родился не в городе?

- Не знаю. Я рос в детдоме, мать с отцом не помню. Ты для меня и мать, и сестра - вся родня сразу... Галя, если ты хотела помыться, я подожду.

Я вошла в воду.

- Очень устаешь? И дождя давно не было, дороги пыльные, - Гена все-таки наблюдал за мной.

- Коли лицо не в пыли, руки не перепачканы землей - какой тогда агроном?

Я помылась. Он задумчиво смотрел на озеро, покрытое белыми лилиями. Потом мы пошли в сад, на скамейку под березой. Мы больше молчали. Слова не шли на язык, да я и не искала их - невозможно объяснить то, что творится на сер-

дце. Так же бесполезно пытаться пересказать все движения души. На небе взошла полная луна. Вот она зависла над садом, угрюмо подглядывая за нами сквозь березовую листву, потом вдруг опустилась Гена на голову и погладила бледными лучами его светлые волосы. Но Гена сидел не шелохнувшись, и яркая звездочка, которая была ближе всех к луне, заметила это, мигнула и все звезды на небе удивленно посмотрели вниз; но в следующее мгновение они дружно забыли про нас, только луна по-прежнему не сводила с меня и Гены своих холодных глаз. Мне вдруг показалось, что это не к добру: от нее струилась какая-то угроза. Или ей всего-навсего было скучно?.. Сонно закукарекали петухи. Гена поднял голову.

- Почему ты такая? - каким-то изменившимся голосом спросил он.

Я не поняла, что он хотел сказать. Но неожиданно для себя самой у меня вырвалось:

- Я похожа на своего любимого.

Гена несмело привлек меня к себе.

- Оказывается, бывает такая любовь. До боли в душе, до слез, - прошептал он.

Мы не спеша зашагали к дому. Только когда подошли к калитке, я вспомнила, что завтра мне надо ехать в город.

- Гена, утром я поеду в Чебоксары.

Гена вздрогнул, его лицо потемнело.

- Зачем? - забеспокоился он.

- Надо съездить за новыми запчастями к комбайну.

- Когда вернешься?

- Может, завтра же.

- Пожалуйста, постарайся. Тяжело целый день не видеть тебя, - попросил он.

- Доброй ночи.

Гена не ответил. Он поцеловал меня и остался стоять у дверей. Стараясь не разбудить бабушку, я на цыпочках прошла в свою комнату. Было очень поздно, я принялась раздеваться. Когда стягивала платье, руки коснулись влажной ткани. "Это его слезы!" - догадалась я. Впервые в жизни в сердце кольнуло так, словно по нему полоснули ножом. Почему он плакал? О ком он плакал?..

В Чебоксары я поехала на мотоцикле. Народу на складе было много, нужные детали я получила далеко за полдень. Укрепила фанерную коробку на заднем сиденьи и выехала на улицу. На какой-то момент я растерялась, не зная, что делать: то ли сразу отправиться домой, то ли заехать на тихую улочку возле Волги повидаться с мамой?.. Пожалуй, заеду к маме на полчаса, а потом уж в деревню...

Впереди открылась Волга, похожая на огромное зеркало. Я свернула на улицу, которая тянулась вдоль берега. Не успела подъехать к маминому дому, как к калитке подскочила огромная собака на цепи. Я несмело подошла поближе к ограде. По посыпанной песком дорожке бежит мама. Забыв про страшного пса, я бросилась к калитке, прижалась к маме. Она обняла меня, провела рукой по волосам. "Доченька моя милая, вечная моя боль", - прошептала она. На ее глазах выступили крупные слезинки. Нежное белое лицо в сетке мелких морщин, в волосах появилась седина. Я улыбнулась ей сквозь слезы. Вот на крыльцо выбежала девушка, она очень похожа на маму: те же голубые глаза, светлые волосы. На ней яркое желтое платье, может, поэтому, когда она стоит на солнце, ее хочется назвать дочерью солнца. Она не красавица, но очень тонкая, подвижная, улыбчивая - словом, милая юная девушка. Это - Надя, моя младшая сестра. У нас с ней разные отцы, а мама - одна. Тоненькая и легонькая, как ребенок, Надя подбежала ко мне и повисла на шее. Когда я вижу этих двух дорогих мне людей, у меня всегда на глазах появляются слезы, я начинаю чувствовать себя жалкой и глупой. А едва они улыбнутся мне, скажут что-нибудь ласковое, начинает кружиться голова. Вот и сейчас я моментально забыла, что собиралась вернуться в деревню. Скинула пыльный комбинезон, помылась, а сестричка в это время убежала в парикмахерскую. Мама усадила меня за стол, сама села напротив и, не отрывая глаз, смотрела, как я ем. Я по привычке сначала сгрызла корочку от хлеба, потом принялась за мякиш. Мама вдруг побледнела, морщины на лице проступили еще сильнее. Заметив мой взгляд, она попыталась улыбнуться, но улыбка не получилась.

- Галя, ты вся в отца, он тоже сначала съедает с хлеба корочку, - сказала она и быстро встала из-за стола. Мне расхотелось есть. Я вышла на веранду. Подошла мама. Она уже не казалась грустной, но, когда я посмотрела в ее глаза, моя душа разрыдалась. Мы не успели ни о чем поговорить, я только рассказала в двух

словах о бабушке. Мама тоже не стала больше ни о чем допытываться. Вернулась Надя. Увидев ее, я невольно рассмеялась. Она покрасила брови в черный цвет, волосы уложила мелкими колечками.

- Ты точь-в-точь цветок, Надюша! - я обняла ее.

- А ты, Галина, несказанно красивая! Ой, вот если бы я была такой! - Она мечтательно вздохнула. И неожиданно спросила: Ты не взяла с собой больше никакой одежды?

- Я собиралась сегодня же вернуться домой. Но сейчас мне не хочется так скоро расставаться с вами.

- И не думай, никуда не отпущу, - надув губы, сестра погрозила пальчиком. Мы с тобой пойдем на день рождения... Можно пойти к Клаве с Галиной? - она обернулась к маме. - Вот увидишь, сегодня ты всех сведешь с ума, - шептала она уже в следующее мгновение мне на ухо. - Но что ты наденешь? - Надя выбежала из комнаты и тут же вернулась с целым ворохом платьев. Конечно же, они мне не подошли: слишком тесные, короткие.

- Ладно, о нарядах не переживайте, это я возьму на себя, - вмешалась мама, не сводившая с нас счастливых глаз. - Галя, ты приляг, отдохни, а мы с Надей съездим в центр.

Мне не хотелось спать, но пришлось послушаться.

- Перед тем, как пойти в гости или на свидание, всегда надо отдохнуть, хотя бы минут двадцать, - тоном знатока объяснила Надя. - Лицо станет свежее, и настроение будет куда лучше.

Должно быть, я действительно крепко уснула, даже не слышала, как вернулась мама. Я проснулась, когда она осторожно открыла дверь комнаты. Почему-то я притворилась, будто сплю, и продолжала лежать с закрытыми глазами. Вот мама склонилась надо мной, взяла в руки свесившуюся с кровати косу и прижала к щеке, потом положила ее на постель, провела рукой по моим бровям, кончиком пальца коснулась ресниц. Я постаралась представить, какая была мама в молодости, и увидела Надюшу. Но мама была гораздо красивее. Перед глазами возникла военная землянка. Там, среди огня войны, юная девушка-врач пленила душу молодому полковнику. Любили... они тоже любили, как мы, может, даже сильнее нас. Нет, нет, это невозможно. "Война... Вот бы увидеть хоть раз того, кто подарил мне жизнь", - подумала я. Сердце забилось. Я изо всех сил старалась успокоиться, чтобы не заметила мама.

- Джани, моя Джани, - прошептала мама. Я почувствовала себя молоденькой девочкой. Ласковые мамины руки легко коснулись меня, словно в волшебной сказке. Какие они нежные, мамины руки! Я выросла у бабушки. Не помню, как мама привезла и оставила меня в деревне, мне был всего год. Потом она каждое лето приезжала в отпуск, но не одна, а с отцом Надюши. Все говорили, что Павел Иванович хороший человек, но он всегда смотрел на меня очень сурово, будто осуждал за что-то, и я старалась пореже попадаться ему на глаза. Когда мама приезжала в деревню, она не отходила от меня, без конца целовала, обнимала. Сначала я пугалась ее, потом привыкала, заливалась радостным смехом. Но счастье длилось недолго. Подбегала Надюша и принималась плакать, кричать, ее и без того небольшие глаза превращались в щелочки. Маленькая, худенькая, она с силой хлестала меня по лицу, царапала. Тогда к нам подходил Павел Иванович.

- Надюша, так нельзя. Это же твоя сестра, иди, поцелуй ее, - ласково уговаривал он, а сам холодно смотрел на меня. Я вырывалась из маминых рук и бежала искать бабушку. Мамин отпуск пролетал незаметно. Мама тихонько обнимала меня и что-то шептала. По ее лицу текли слезы, я смотрела и не понимала, почему плачет эта красивая добрая женщина... Вот она снова обнимает меня, шепчет ласковые слова, как в детстве. Тогда я не понимала их, а сейчас они рвут мне душу. Мама наклонилась, поцеловала меня в лоб, на щеку капнула слеза, обожгла, как огонь. И тогда я поняла, что рана, оставленная любовью, не заживает вовек. Перед моими глазами возник Гена. "Если с нами что-то случится?" - спросила я сама себя. Ответ пришел сам собой: "Тогда мне конец..." Громко хлопнула калитка, и через мгновение на веранде появилась Надюша.

Я надела голубое шелковое платье, купленное мамой. Оно очень шло мне. Я посмотрелась в зеркало и подошла к маме. Ее лицо светилось радостью, губы улыбались. Я взяла ее руки в свои, поцеловала их.

- Как бы мы были счастливы, если бы не война, - сказала вдруг мама.

- Она погубила многих, - мне было неловко молчать.

- Как бы радовался сейчас твой отец, если бы мог увидеть тебя.

- Знаешь, мама, если бы мне довелось увидеть его хотя бы издалека, хотя бы на миг, я была бы самой счастливой на свете.

Мама посмотрела на меня, сняла с блузки красную, полыхающую как огонь брошку и наколола на мое платье.

- Это подарок твоего отца...

Во дворе загремела цепью собака, залилась радостным лаем. В дверях появился Павел Иванович. Увидев нас, он поднял руку, помахал в знак приветствия. Я встала, сделала несколько шагов навстречу.

- Здравствуйте, Павел Иванович. Как здоровье?

- Здоровье? Жив-здоров и все в порядке, хочу сто лет прожить, не меньше, - рассмеялся он. - А как твои дела, товарищ агроном? Как старушенция? Дышит еще?

По моей спине пробежал холодок.

- Спасибо, у нас все хорошо.

Мама взглянула на свои золотые часики.

- Мне пора на дежурство. Галя, проводи немного.

Я уже несколько раз порывалась рассказать маме о Гене, но никак не могла начать разговор, все время что-то останавливало.

Вот мы с мамой вышли из калитки. Я опять открыла рот, чтобы наконец сказать о самом важном для меня, но по-прежнему ничего не получилось. Мы уже подошли к больнице, скоро мама попрощается...

- Счастливо провести вечер, Галя... Я вернусь завтра в восемь, вы как раз проснетесь.

- В восемь утра я буду в деревне, мама.

- Почему ты торопишься? Неужели так много работы? - Мне снова захотелось рассказать о Гене. Но теперь мама не дала мне сказать, заторопилась: - Ну, доченька, давай тогда прощаемся.

Кажется, я поняла: то, что мы жили и живем с ней врозь, мешает нам быть откровенными. Я молча обняла ее, поцеловала.

Когда я вернулась обратно и увидела Надюшу, от удивления сразу забыла про все свои переживания. Вместо "дочери солнца" передо мной стояла раскрашенная куколка. Светлые тонкие волосы перевязаны бусами. Челочка тщательно завита. Брови, ресницы, глаза - все безжалостно накрашено. Мне стало дурно: таких девиц без тени мысли на лице мы, будучи студентами, сначала высмеивали, а позже и не замечали, не обращали на них внимания. А тут родная сестра...

- Пошли, Галина, нас ждут, - Надя взяла меня за локоть. - Впрочем, пусть ждут. Я вообще люблю опаздывать. Заходишь, а все гости за столом смотрят на тебя, хозяева потчуют изо всех сил, словом, все внимание - тебе. А ты?

- Я?.. Надюша, если честно, я никогда не бывала на вечеринках.

- Как не бывала? Не смей меня, - недоверчиво посмотрела сестра.

- Правда... После окончания академии был прощальный вечер, но мы там сами были и хозяева, и гости.

На этот раз Надя посмотрела на меня с хитрецей.

- С тобой все ясно. Ты поделила сердце на две половинки.

- Как поделила? Разве это возможно?

- Что ты придуряешься, разве мы с тобой не взрослые люди? - расхохоталась Надюша. - Все очень просто: одну половинку отдаешь любимому, другую оставляешь себе. Обделять себя нельзя, это главное правило, еще может пригодиться...

- Кажется, я отдала все сердце...

Надя обняла меня одной рукой и, глядя куда-то вдаль, сказала:

- Свою долю забери обратно. Все равно мужчины не в состоянии оценить такой дар.

Ее слова испугали меня. Все что угодно, но лишь бы не видеть сестру несчастной. И на маму смотреть сердце болит...

Мы виделись с Надей каждый год, но недолго. На каникулы я приезжала к ним, но вскоре Павел Иванович приносил маме и Наде путевку в дом отдыха или детский лагерь, и я возвращалась к бабушке. Изредка и Надюша приезжала к нам, но ей очень скоро становилось скучно в деревне, и уже через день-другой она уезжала обратно. Почему-то я никогда не воспринимала ее всерьез, мне казалось, что она еще ребенок. Павел Иванович всегда был готов сделать для нее все. Она не знала отказа ни в сладостях, ни в дорогих игрушках, а чуть позже у нее были самые богатые наряды среди сверстниц. Это всегда беспокоило бабушку: "Чересчур Наде во всем потакают, от балованных детей добра не жди". Похоже, ее

опасения были не напрасны.

Надя заметила, что я задумалась, и замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась.

- Ну-ка, сознайся, кто посмел оставить тебя без сердца? - она положила тонкие руки с золотым перстнем на пальце мне на плечи и, должно быть, заметила подаренную мамой брошку: накрашенные брови удивленно приподнялись. - Он тоже агроном? - рассмеялась она.

- Нет, хирург.

Надя засмеялась еще громче, потрогала брошку.

- Вот как повезло нашей маме: будущие зятя - оба врачи. Дочери не пошли по ее стопам, так хоть мужей по ее вкусу выбрали, - Надя повернулась и пошла вперед. Я удержала ее.

- Надюша, родная, твой жених...

Она не дала мне договорить.

- Галина, у меня нет никого ближе тебя. Только рядом с тобой я чувствую себя человеком. - Она ласково провела по моей руке. - Поэтому не буду скрывать: он для меня не просто жених.

Я посмотрела ей в глаза. В них не было ни радости, ни грусти. Я не на шутку разволновалась.

- Как понять твои слова?

- Как хочешь, так и пойми.

Мы пошли дальше. Какое-то время я не могла вымолвить ни слова, но постепенно взяла себя в руки, спросила:

- Где же он? Как насчет того, чтобы быть вместе?

- Не беспокойся. Он жить без меня не может. После института его направили в деревню. Как только устроится, придет за мной. В будущем вместо фокстрота буду слушать крики петуха, - Надюша криво усмехнулась.

- А как у тебя с институтом? - продолжала допытываться я и сразу поняла, что ей не понравился вопрос. Надя посмотрела на меня искоса, поправила сумку на плече.

- Я провалила зимнюю сессию... Все равно из меня врач не получится. Крови и то боюсь.

- А ты знала это раньше, когда собиралась поступать в медицинский?

- Маме очень хотелось, чтобы я стала врачом. Вот и пошла туда...

- А какая профессия нравится тебе самой? Что тебе по душе?

Надя вздохнула:

- Я с детства мечтала петь на сцене, но папа даже слушать не захотел. Сказал, если буду поступать в консерваторию, не даст ни копейки, и чтобы на каникулы домой не приезжала. Папа слов на ветер не бросает. Как можно учиться на стипендию? А еще неизвестно, получишь ее или нет. Я не привыкла себе отказывать.

- Надюша, я буду помогать тебе. Ты у меня одна-единственная, - обрадовалась я. - Попробуй, вдруг получится. Может, ты родилась, чтобы стать большой певицей.

Надя, кажется, не очень-то слушала меня.

- Как ты думаешь, быть женой врача - это неплохо? Родить ему детей, растить их...

- Растить детей - большое дело, но, как правило, женщины стремятся получить сначала образование, специальность. Стоит ли бросать учебу только ради того, чтобы стать чьей-то женой? В твои годы, мне кажется, рано думать о том, чтобы заводить детей... Впрочем, некоторые и с двумя детьми учатся. Все же лучше выходить замуж после института. Если твой парень любит тебя, он подождет, пока ты выучишься. Не обижайся, но надо постараться самой встать на ноги. В жизни всякое может случиться...

Закончив свою невольную тираду, я посмотрела на Надю. Она совсем не слушала меня.

На дороге показалась легковая машина. Надя помахала водителю, машина остановилась. Мы сели в нее и быстро доехали до небольшого деревянного домика на маленькой улочке. Надюша вышла из машины и подмигнула водителю. Молодой мужчина с вожаделенной улыбкой посмотрел на нее, тоже подмигнул. У меня по спине пробежал холодок. Надя, мелко переступая, зашагала к калитке.

- Сколько заплатить? - спросила я, вынимая деньги из сумочки. Водитель громко рассмеялся, с интересом посмотрел на меня:

- О, красавица, вы не только прекрасны, но и добры.

Разговаривать с ним не хотелось. Я молча положила деньги на сиденье.

Надюша не ошиблась. Когда мы вошли в дом, застолье было в разгаре. В просторной комнате полно молодежи: кто сидит за столом, кто на ногах. Появились мы, и на время шум-гам стих, все повернулось в нашу сторону.

- Привет всем! - громко поздоровалась Надюша. Долговязый парень торопливо выбрался из-за стола и направился к нам. Подбежала хозяйка, обняла Надюшу.

- Наденька, подруженька, ты заставила нас ждать. Я уж думала, не придешь, хотела послать за тобой Сережу, - зашебетала она, тайком оглядывая меня зелеными кошачьими глазами. На ее широком скуластом лице мелькнуло какое-то беспокойство. Она что-то прошептала Наде на ухо. Та повернулась ко мне спиной, открыла сумку и, вынув оттуда купюру, сунула ей. Хозяйка засияла, еще раз поцеловала Надю, стала тянуть к столу.

- Погоди, Клава, - Надя повернулась ко мне, взяла под руку, и мы подошли к столу.

- Друзья, знакомьтесь, это моя сестра Галина, - нарочито громко произнесла Надя. Мне стало неловко, но потом, когда я разглядела собравшихся, увидела их наряды, манеры, это чувство быстро улетучилось. Парень, сидевший в углу стола, смотрел на меня раскрыв рот. Мне показалось, что я видела его раньше, но кто он мог быть, не вспомнила, как ни старалась. С коротко остриженными рыжеватыми волосами, он был в белой рубашке, узких брюках, плотно обтягивавших бедра. Может, поэтому он казался еще более высоким и сутулым. Его продолговатое лицо все время кривилось в самодовольной ухмылке.

Девушка в белом полупрозрачном платье, сидевшая рядом с ним, была накрашена не меньше Нади. Но красивее от этого не стала. Она посмотрела на меня искоса и вздернула подбородок. На оголенной шее переливалось жемчужное кольцо. Серьги в ушах тоже, кажется, были с жемчугом. На руке - золотой браслет. Дорогие вещи ничуть не украшали ее, и я невольно вспомнила расхожую фразу: "Красота видна и в рубищах". Мои мысли прервал громкий хохот. Я недоуменно посмотрела на Надюшу. Она стояла красная от злости, глаза метали молнии. Вот махнула рукой, как бы разрезая воздух, и все затихли. Долговязый детина, которого все называли Сережей, взял с подоконника зеркальце и встал перед Надей.

- Дорогуша, взгляни на себя, на так называемую сестру, а потом выдумывай, - пьяно захихикал он. Надя оттолкнула его.

- Надюша, мне кажется, здесь не стоит никому ничего доказывать, - я повернулась к двери. Сестра удержала меня.

- Но кем бы она ни приходилась тебе, она - настоящая богиня любви! - почти выкрикнул Сергей. Парни за столом захолопали. - Наденька, если она и вправду твоя сестра, мы назовем ее чувашской Венерой! - восторженно заговорил опять Сергей. Нас усадили за стол. Надя села рядом с низкорослым парнем с широченными плечами, а возле меня оказался Сергей. Пока я усаживалась, продолжая разглядывать гостей, Надя успела опустошить предложенную ей рюмку. Сосед по столу поднес к ее губам бокал с водой. Я удивилась: "Зачем запивать красное вино?" В этот момент Сергей сжал мою руку в своей и поднес рюмку прямо к лицу. То ли оттого, что меня передернуло от его мягкой потной ладони, рюмка выпала из рук и разбилась.

- Вы будто впервые видите рюмку. Между прочим, сюда входит только сто граммов. Для такой крепкой девушки это совсем немного, - стал выговаривать он. Это вконец разозлило меня. Хотелось немедленно встать и уйти, но я почему-то медлила.

- Молодой человек, уберите руки. Я как-нибудь сама разберусь, когда мне пить и сколько.

Хозяйка принесла новую рюмку, наполнила ее и протянула мне, стараясь выглядеть как можно приветливее:

- Мы от души уважаем Наденьку. Вы ее родственница, значит, будете нам так же дороги. Сегодня я праздную свое двадцатипятилетие. Здесь мои самые близкие друзья...

Я внимательно посмотрела на нее. "Двадцать пять? Нет, милая, тебе далеко за тридцать, - подумала я, разглядывая мелкие морщинки под глазами. Она старательно накрасилась, но косметика не смогла скрыть следы увядания. Глаза сверкали нездоровым блеском, и еще эта немислимая худоба... А может, она и

вправду еще молода, просто с ранней юности беспутничает в таких вот компаниях? Меня вдруг будто кольнуло. Я невольно посмотрела на Надю. Она сейчас как набухшая нежная почка на дереве, но распустится ли, порадует ли своим несравненным цветком? Недолго и до беды, если водиться с такими друзьями..." Гости, изрядно захмелевшие еще до нашего прихода, скорее всего, плохо соображали, по какому поводу собрались. Ни одного тоста в честь именинницы я не услышала. Вместо здравицы в адрес хозяйки Надюшин сосед - парень с бычьей шеей - выкрикнул:

- За несравненную Наденьку!

Долговязый тип рядом со мной выпятил грудь и завопил:

- За здоровье чувашской Венеры!

Девушка с жемчужным колье на шее безразлично посмотрела на меня, как бы нехотя открыла большой рот, отправила туда содержимое рюмки и неожиданно запела. Серебристо-чистый, красивый голос никак не вязался с вульгарной внешностью и поразил меня. Надя тоже выпила. Я сделала глоток и поперхнулась: это оказался коньяк, а не сухое вино, как я думала.

- Гляди, Серга, получше ухаживай за гостьей, - подмигнул моему соседу низкорослый ухажер Нади.

Снова подняли рюмки. Надя раскраснелась, начала громко говорить, беспричинно хохотать. Ее смех и пугал, и раздражал меня. Хозяйка включила музыку. Все вышли из-за стола, встали в круг. Долговязый стал настойчиво приглашать на танец. Я несколько раз объяснила ему, что у меня болит нога, но, похоже, он был из тех, кто тут же забывает услышанное, и мы затеяли нескончаемый диалог о моей многострадальной пятке. Беззлобно и лениво препираясь с непрошеным ухажером, я во все глаза наблюдала за Надей. Она пьяно, бессмысленно тряслась в каком-то диком танце, и мои щеки горели огнем, хотелось отвести глаза, не видеть, не знать...

- Богиня любви, царица моего сердца, - донесся до уха по-бабьи тонкий голос. - Ты одна смогла покорить мое сердце. Я полюбил тебя так, как никто до сих пор никого не любил. Ты - моя! - добавил он, видимо, для пущей убедительности, и сгреб меня своими ручищами.

- Если я богиня любви, то кто ты? - я молола вздор, лишь бы тянуть время.

- Твой слуга! Раб...

- Возможно, ты действительно раб, но иных страстей, не любви. А меня оставь в покое. У меня есть с кем танцевать.

- У тебя кто-то есть?! Где он? Я немедленно сверну ему шею! Почему обижаешь? Ты знаешь, кто я? Я - Серга! В городе меня все знают. Меня все боятся. Для девушек я царь и бог, но сегодня сам стал твоим рабом. Красота - она все может... Но смеяться над собой не позволю. Гляди, - трясясь от злости, он поднес кулаки к моему лицу. И в тот же миг голова его безвольно поникла, он громко чихнул, брызнув слюной на меня. Я с отвращением отвернулась. Танцующие шумно чему-то зааплодировали. Я подняла голову и не поверила своим глазам. Надюша сняла с себя кофточку, закинула ее в угол, и опять принялась танцевать. Я тут же встала, подошла к ней.

- Надя!

Она остановилась.

- Оденься, родная, - я попыталась вернуть ей кофточку, но она оттолкнула мою руку. Я в упор посмотрела на нее: погасшие глаза, чужое лицо. Сердце заныло. Надя не отвела глаз, бросила с вызовом:

- Женщина красива, когда она без одежды. Неужели не знаешь? Ты же закончила академию!

У меня перехватило дыхание.

- Не беспокойтесь, красotka, здесь все свои, - хихикнул низкорослый. К нам подбежала хозяйка.

- Ой, нашли о чем говорить! Подумаешь, разделась маленько. На пляже, вон, в одних трусиках ходим - и ничего. Пусть танцует как ей нравится, жарко у нас очень... - заворковала она.

- Верно, Клава, душно Наденьке. Ей лучше выйти на воздух, - вмешался низкорослый парень, весь вечер обхаживавший сестру. Он подхватил Надю за талию и вывел из комнаты. Я как идиотка осталась стоять посреди комнаты. Подошел Сергей, попытался обнять меня. Я оттолкнула его.

- О, красавица, не стоит так упрямяться! Сколько овечке от волка ни бегать... Я - Серга! Серга, понятно?!

- Что правда, то правда: вы похожи на диких зверей, - я уже не считала нужным сдерживаться.

- Ой, не думайте о нас плохо, тут все приличные люди, - защелкала Клава. Тем временем снова включили музыку, начали танцевать. Я бросилась к двери, но меня остановили сразу несколько пар рук.

- Не веди себя так глупо, ты не маленькая, - теперь Клава собралась выговаривать мне. Одного парня так рассмешило мое желание выйти, что он даже прислонился к стенке, чтобы не упасть.

- Красотка, неужели ты не понимаешь, что нельзя мешать мужчине и женщине? Если даже сестра...

Я толкнула его. Парень ударился об угол стола, зазвенела, упала на пол посуда.

- Ой-ой, что за напасть такая сегодня, никакого веселья. Коньяк разбился, целая бутылка зазря пропала, - запричитала Клава. Я стремглав выскочила на крыльцо. Обняла сестру, насильно одела ее. Парень посмотрел на часы и, не взглянув на нас, зашел в дом. Мне стало нестерпимо тоскливо.

- Надя, идем домой, - попросила я ее, взяла за плечи и попыталась повести к калитке, но она резко вырвалась. - Надюша, родная, прошу тебя, давай уйдем отсюда. Не позорь себя в этой компании, ты не такая, ты непохожа на них...

Надя насмешливо посмотрела на меня:

- Я такая же, как все. Что мне, по-твоему, смолоду одной сохнуть? Когда провожала его, сказала, что люблю, буду ждать. Пусть верит... Кто знает, может он сам сейчас стучится к какой-нибудь вдовушке...

- Не болтай глупости. Если не верить, не доверять друг другу, то стоит ли...

- Послушай, дорогая, не вздумай учить меня. На мякине мышья следов не оставляет. Запомни, сестрица, может пригодиться.

Я ударила Надю по щеке. Она покачулась, но не упала, удержалась на ногах.

- Бей, бей еще. Ты у нас чистенькая... - мне показалось, что она всхлипнула. Но Надя вдруг перешла на крик: - Раньше, раньше надо было учить!..

Я застыла на месте. Это был самый страшный момент в моей жизни.

С улицы послышался сигнал автомашины. Надя неуверенными шагами направилась к калитке. Я шла за ней, ничего не понимая, потом решила, что Надя собралась домой, обняла ее за плечи, и мы вместе вышли на улицу. Увидев нас, из машины появился мужчина, подошел к нам.

- Садись, лапочка, - сказал он и забрал у меня Надю. Я бегом догнала их, судорожно схватилась за сестру.

- Надюша, куда ты?.. Пошли домой.

- Не беспокойся, за мной приехал мой друг, - она махнула мне и села в машину. Я узнала шофера, который подвозил нас...

Откуда ни возьмись, выскочил Серга, схватил меня и стал тащить обратно. Я попыталась вырваться, но цепкие длинные руки не давали шевельнуться. Он попытался поцеловать меня, каким-то образом я изогнулась, вlepила ему пощечину.

- Ангел мой, хочешь, вырву свое сердце, положу на твои ладони, как ты не понимаешь, люблю тебя... - Серга с трудом связывал слова, но, видимо, считал своим долгом говорить как можно более высокопарно.

- Не распускай руки, веди себя прилично!

- Уж не собираешься ли еще раз ударить? Ха-ха-ха... Ты будешь колотить меня своими нежными ручками, а я их целовать, целовать... Какая ты... Мне это даже нравится.

Я оттолкнула его, но убежать не успела. Громко хлопнула дверь. Я испугалась, что пьяные дружки выйдут ему на помощь.

Сергей обнял меня. На этот раз я не сопротивлялась. Он что-то пробормотал очень близко от моего лица. Я задохнулась от запаха перегара, изо всех сил ударила его в подбородок, и он отшатнулся, ударился об ограду. Я бросилась в ближайший переулок. Так и бежала до самого дома, вначале со страхом прислушиваясь, не бегут ли за мной, а потом уже спокойнее, только потому, что время было позднее и мне все равно пришлось бы добираться пешком.

Чтобы не будить Павла Ивановича, я не стала стучаться, села на крыльцо. И только тогда почувствовала, насколько устала. Но спать не хотелось. Прошедшее казалось невероятным, будто кошмарный сон. Если бы сон... Сестренка моя, единственная, родная!.. Что с ней будет? А если узнает мама? У нее и без

того слабое сердце... Я положила голову на руки и старалась не думать ни о чем, только прислушивалась, не подъедет ли машина. Мне хотелось поговорить с Надей, но она не возвращалась. Небо на востоке стало светлеть; на листьях сирени, растущей по обе стороны крыльца, заблестела роса. Рассвело. Я вывела со двора мотоцикл. Разрезая утреннюю тишь, взревел мотор. Прохладный утренний воздух бил в лицо, хлестал по щекам, но мне все равно было душно, внутри все кипело.

...Начались наши колхозные земли. Я свернула в мастерские, где стоял на ремонте комбайн, потом нашлись еще какие-то дела, и домой я приехала только с темнотой. Собралась на озеро, но бабушка поставила передо мной ведро с водой, нагревшееся за день на солнце.

- Поди, весь день голодная проходила. Работа работой, но и о себе нельзя забывать, - стала выговаривать бабушка, наливая воду из ковша. - Ну, как в городе поживают? - она так и не дождалась, когда я заговорю. Я решила не рассказывать о Наде, постаралась как можно беспечно ответить на бабушкины вопросы.

- Хорошо живут. И Волга течет в ту же сторону.

- Ну, довольно плескаться, - бабушка отставила ведро.

- Не то ворона унесет, - ответила я ее давними словами. Она говорила так в детстве, когда я слишком долго мылила руки. Бабушка чуть заметно улыбнулась.

- Теперь уже не страшно, если даже унесет. Но хочется видеть рядом с тобой орла, а не ворону.

Когда зашли в дом, я сразу села за стол - и вправду, очень хотелось есть.

- Ну, как там Надя? Слышала, она бросила институт, - бабушка села напротив меня.

- Бабушка, в город цирк приехал. Может, съездим с тобой? - я постаралась перевести разговор, но тут же покраснела.

- Галя, ты что-то скрываешь, - бабушка отодвинула чашку с чаем. Серая кошка запрыгнула к ней на колени, улеглась поудобнее и замурлыкала. Бабушка ждала, что я скажу. Я молчала.

- Как там живут? Не обидел ли тебя Павел Иванович? - грустно спросила она, поглаживая кошку.

- Нет, не обидел. Спросил о твоём здоровье, передал привет... Бабушка, я думаю о Наде. Она бросила учебу и с тех пор ничем не занимается. Кажется, не собирается ни учиться, ни работать, - я все-таки скрыла от бабушки самое страшное.

- Что мы можем сделать, доченька? Павел Иванович сам виноват. Баловал больно... Надя не привыкла трудиться, но любит жить на широкую ногу, на всем готовеньком. Школу и ту еле закончила. Разве что жизнь ее уму-разуму научит, да и то навряд ли. А мы с тобой и подавно ничего не изменим. Давай лучше поговорим о тебе... Галя, вы оба взрослые люди... Я имею в виду тебя и Гену. Вы еще не думали о будущем?

Я задумалась. Мы с Геной познакомились совсем недавно, почти ничего не знаем друг о друге. Тем не менее я прекрасно понимаю, что не смогу жить без него. Гена чувствует то же. Так о чем его спрашивать? Каким бы ни было его прошлое, оно не может омрачить наше будущее. Мы даже не договариваемся, где встретиться, настолько чувствуем друг друга, настолько лишни слова. Мне кажется, что я знаю его давным-давно, потому что он именно тот, кого я ждала, кто грезился в моих мечтаниях.

- Бабушка, если по правде, мы с Геной почти ни о чем не говорим, - сказала я наконец. Бабушка с улыбкой взглянула на меня.

- Ты удивительная, Галя. Иногда мне кажется, что я вижу тебя насквозь, а иногда и вовсе не могу ничего понять. Старую, должно быть. Молодые всегда счастливее стариков. Душа радуется смотреть на вас, хочется жить и жить. Ну, ладно, пойду во двор, поработаю маленько, все одно не спится, - бабушка тяжело поднялась с дивана.

Я зашла в свою комнату и надела любимое белое платье, приколотла подаренную мамой брошку. Чтобы не встречаться с бабушкой и не объясняться, куда так поздно иду, сразу прошла в сад. Ветки смородины цеплялись за подол платья, словно не хотели пускать к озеру. Я выбежала на тропинку. Гена мог ждать меня только здесь. И не ошиблась. Гена тотчас заметил меня, пошел навстречу. Я увидела, как радостно засияли его глаза. У клуба заиграли вальс. Гена обнял меня. Я положила голову ему на плечо. Какое-то время мы стояли, смотрели на покойно

дремлющее озеро. Белые лилии словно к чему-то прислушались.

- Когда ты рядом, я чувствую себя счастливым. Но временами на душе так беспокойно, тоскливо, как перед бурей, - Гена взял мои руки в свои.

- Какая буря? - удивилась я. В его голосе была такая грусть, что мне стало страшно.

- Галя, ты не хочешь узнать о моем прошлом?

- Нет, там не было меня, оно не наше.

Должно быть, Гена подыскивал слова, чтобы сказать о чем-то важном для него. Я с нетерпением ждала, но он медлил.

- Галя, я всю жизнь ждал тебя. Но мы ходили по разным дорогам. Бывало, я спотыкался, падал. Я боюсь рассказывать тебе, что происходило со мной на той дороге.

- Тогда не говори. Что бы ни случилось с тобой раньше, я не могу жить без тебя. - Я вряд ли сознавала, о чем он хотел рассказать, моим языком говорило только сердце.

- Любимая, если я не буду откровенным, это будет мучить меня. Послушай... Я ... ну, когда учился, связался с одной женщиной. Мы были вместе недолго...

- Значит, ты женат, - мои ноги подкосились. И в голове, и в душе все перепуталось, смешалось. К горлу подступил комок. Я не могла ни говорить, ни сдвинуться с места.

- Мы не любили друг друга. Мы с ней больше не встретимся, она сама так сказала. Мы даже не расписаны. Понимаешь, Галя, это была игра в любовь. По наивности, глупости. Только когда встретил тебя, я понял, что такое любовь. Я искал ее, как и все, но обманулся, принял за любовь совсем другое. А теперь все стало на свои места. Мне кажется, нас может разлучить только смерть. А еще мне кажется, что ты тоже понимаешь это...

Гена замолчал. Для меня его слова были как снежная метель в жаркий летний день. Я привыкла судить о людях по себе и до сих пор не притерпелась ни ко лжи, ни к обману. "Это называется "споткнуться"? - машинально отметила я про себя. На душе стало пусто, холодно. То ли это была ревность, то ли разочарование - Бог весть... Да и какое это имеет значение. Все вышло совсем не так, как представлялось. В таких случаях, кажется, говорят: такова жизнь...

Я невольно отшатнулась от Гены. Он опустил голову. В соседнем переулке послышался голос гармошки. Вначале она негромко переговорила, словно сама с собой, потом протяжно вздохнула. Донесся звонкий девичий смех. А если я ошиблась? Вдруг он ждет ту женщину, а со мной просто проводит время? Что будет, если она приедет сюда? Пока не поздно, надо взять себя в руки, забыть его... А если бросить все и уехать в город? А бабушка? Да и возможно ли убежать от себя... Я взглянула на Гену. Лицо его показалось мне помертвевшим, в глазах - безысходность. Захотелось прижаться к нему и зарыдать в голос. Но я не заплакала, не прижалась к нему.

- И что теперь с той женщиной? - спросила я и сама удивилась своему вопросу. Мне незачем было это знать.

- Не знаю. Она не из тех, кто теряется в жизни. Но я не могу и не хочу быть ей судьей.

"Может, действительно не любил?.. Но как же тогда они могли быть вместе? - мне по-прежнему жгло сердце. - Получается, между нами есть другая. Нет, счастье втроем для меня невозможно..." - Я стояла, прикрыв глаза, не зная, что думать, что делать. Сделала шаг, чтобы уйти.

- Галя, между нами никого нет! Почему ты вдруг разлюбила меня? Я рассказал, чтобы ты знала, как я мучительно искал тебя. Ты моя любовь, только ты.

Гена стоял в нескольких шагах от меня. Я закрыла глаза и он исчез. Я знала, что мне надо уходить, но было страшно это делать. Я открыла глаза и подошла к нему. Он осторожно обнял меня. Хотелось как можно скорее избавиться от мучительных мыслей.

- Без тебя мир пуст и скучен, - прошептала я.

- Любимая, родная, спасибо тебе. Сейчас во всем мире нет никого счастливее меня.

На душе стало светло, покойно.

- Вчерашний день показался мне вечностью, - заговорил Гена. Я весь вечер бродил у озера, но без тебя очень одиноко.

- Я тоже без тебя скучаю...

Гена, словно чего-то испугавшись, крепко прижал меня к себе, и я почув-

ствовала, как едва заметно дрожат его пальцы.

- Не успеет наступить утро, а я уже жду вечера. Он приносит встречу с тобой. Галя, я хочу быть с тобой все время, встречать вместе и утро, и вечер, - горячо зашептал Гена. Его слова были для меня как долгожданный ливень для опаленной зноем земли. В душе не осталось и следа недавней бури. Я задышала легко и свободно. Но слова не находились. Гена понял мое молчание по-своему.

- Между нами ни для кого нет места, Галя. И никогда не будет.

- Сегодня в клубе будет кино! - Я радостно засмеялась, вырываясь из его объятий.

Возле клуба громко играла музыка. В ожидании фильма молодежь собралась на танцплощадке. Мы подошли как раз к началу очередного танца. Гена бережно взял меня под руку, и мы вошли в круг танцующих. Я никого не видела, кроме него. Он что-то сказал - я не расслышала. Хотелось, чтобы все вокруг были такие же счастливые, как я.

- Эй, глядите, глядите! - раздался зычный голос. Все обернулись в сторону дороги, проходящей недалеко от площадки, и засмеялись.

- Ну и чудак Аркадий! Впрягся в воз с дровами и хоть бы хны! Тащит почище иной кобылы! - засмеялся какой-то парень.

- Лошадь пожалел, видать. Опозорил живность. Вон как обиженно смотрит на Аркашу.

- Дак то старая кобыла, она, ить, на пенсии давно...

- Добрая душа у парня, жалеет скотину, - парни хохотали на всю улицу. Я тоже посмотрела на дорогу. Показался довольно большой воз, нагруженный сушняком. В оглобли вместо лошади впрягся Аркадий, а лошадь привязал сзади к телеге. Она вышагивала покорно, словно человек, ушедший в свои мысли. Лева, дружок Аркаши, подталкивал воз сбоку.

Аркадий с натугой тащил воз. Услышав, что над ним потешаются, он ускорил шаг. Когда дошел до танцплощадки, "распрягся", вытер рукавом лицо и подошел к танцующим.

- Хворост набрал, на свадьбу пиво варить, - громко сказал он. И стал искать кого-то глазами.

- Аркадий, подожди, куда ты? - Лева попытался остановить его.

- Я ишу ту, которая могла бы полюбить меня, - Аркадий говорил нарочито громко. Все с любопытством уставились на него, гадая, к кому подойдет. Аркадий направился в самый дальний угол площадки и вывел на середину круга раскрасневшуюся Лиду. Кто-то захолопал, кто-то крикнул: "Музыку!" Заиграл вальс. Пары закружились под плавную мелодию. Аркадий то вихрем кружил Лиду, то замедлял шаг. Девушка застеснялась, упрашивала парня отпустить ее. Тот делал вид, что не слышит. Вот они поравнялись с нами, и Аркадий как бы случайно наступил Гене на ногу.

- Извиняйте, человек хороший. Наступить на ногу - ерунда. Вот когда душу заденут, тогда действительно больно, - раскланялся он как можно галантнее и закружил партнершу дальше. Парни и девушки развеселились еще больше, теперь они и вовсе не сводили глаз с Аркадия в уверенности, что он выкинет еще что-нибудь эдакое. Лида с беспокойством оглядывалась по сторонам. Но ее губы смеялись, глаза светились счастьем. Вот они снова приблизились к нам, и Аркадий словно бы невзначай толкнул Гену плечом. И повернулся к нему:

- Чувствуете, мил человек, мы мешаем друг другу.

Гена попытался сделать вид, что ничего не происходит. Но Аркадий не отставал, открыто нарывался на скандал.

- Нам с вами и на танцах тесно, и жить в одной деревне тесно. Боже праведный, зачем ты привел его в наши края?..

Гена промолчал и на этот раз. Мы отошли в сторонку. Музыка кончилась, танцующие покинули круг. Аркадий остался стоять. Лида почувствовала, что он что-то затевает, и попыталась вырваться из его рук, но он держал крепко. Молодежь выжидающе затихла. - Друзья, женюсь... Вот моя невеста! Приглашаем всех на свадьбу... - он обнял Лиду. Кто-то громко захолопал, кто-то пронзительно присвистнул. У Лиды потекли слезы, она вырвалась из рук Аркадия. Ее белое платье мелькнуло в переулке и исчезло.

Аркадий подошел к нам. Не нашелся, что сказать, похлопал по карману, будто бы что-то искал, повернулся к Гене:

- Не покурить ли нам, мил человек?

- Не курю.

- Не куришь, значит. И не пьешь, поди? Ты славный малый, жаль только, наши пути-дороги скрестились.

- Не понял.

- Чего тут понимать?.. Если вздумаешь обидеть Галю, пожалеешь, что родился. Заруби на носу, - Аркадий повернулся, собираясь отойти. Гена остановил его.

- Не беспокойтесь, молодой человек. Я никому не дам ее в обиду.

Аркадий посмотрел на меня.

- Коли так, желаю счастья...

Он протянул мозолистую руку Гене.

Танцы кончились. Все стали заходить в клуб. Началось кино. Гена смотрел не на экран, а на меня. "Интересная картина", - шепнула я. Гена улыбнулся: "Я уже видел ее". Он осторожно взял мою руку в свою, поднес к губам.

- Геннадий Сергеевич, товарищ хирург! - раздался вдруг голос завклубом. - Вас вызывают.

Фильм прервался, зажегся свет, и все обернулись к нам. Я хотела высвободить руку, но он еще сильнее сжал ее, улыбнулся, заметив, с каким удивлением смотрят на нас со всех сторон, и мы чуть не бегом выскочили из клуба. На улице его поджидал коренастый мужик.

- Извиняйте, доктор, - он покосился на меня. - Жена рожает, - забормотал он. - Везти побоялся, соседка сказала, не так что-то, неладно, словом. Вы не можете поехать?

- Поеду, - коротко сказал Гена. Взял меня за плечи: - До завтра, Галя. - Он сделал несколько шагов к телеге, но вернулся, прижал меня к себе, поцеловал в волосы.

- Видишь, как ученые люди целуются, хи-хи... - толпа вокруг отреагировала мгновенно.

- Ну и дела, неужели такое бывает? - вздохнул другой.

- Извините, пожалста, моя Сухви... - робко заговорил мужик.

- Хочешь, отвезу на мотоцикле, на этой телеге не скоро доберешься, - предложила я. Он тут же повернулся к мужику: - Вы езжайте. - Но тот не тронулся с места, протянул руку в его сторону, словно пытаясь что-то сказать. Гена не дал ему возразить: - На мотоцикле мы приедем быстрее.

Через несколько минут мы уже выехали из села. Я гнала мотоцикл, насколько это возможно на наших дорогах. Гена сидел сзади, держался за меня. Я чувствовала, как пульсирует кровь в его ладонях, его руки жгли мне тело. Я чувствовала его дыхание. Я еще раньше заметила, что у него есть привычка тяжело вздыхать, а сейчас это было особенно заметно. "А вдруг он до сих пор помнит ту женщину, любит ее", - подумала я. Но в следующий миг уже забыла об этом. Ничто не могло сегодня омрачить мое настроение. В ранней юности я не знала любви. В моем сердце жил придуманный парень. Когда ребята влюблялись в меня, я не замечала их, продолжая витать в своих грезях. Моя любовь заставила долго ждать себя, наконец она пришла, и весь мир вокруг преобразился, стал еще прекраснее...

Мы быстро доехали до роженицы. Не успела я заглушить мотоцикл, как Гена соскочил с него и побежал в дом, а я осталась стоять на улице. Негромко переговариваясь, из избы появились две женщины.

- Не зря говорят: когда баба рожает, она одной ногой завсегда в могиле стоит, - сказала одна. Она хотела что-то добавить, но заметила меня и промолчала. Всклипывая в уголок платка, вышла еще одна, уже довольно пожилая.

- А вы почему здесь стоите? Пожалуйста, зайдите, спасите мою дочь! - взмолилась она. У меня не хватило духу сознаться, что я не медик. Совершенно не представляя, что буду делать, я оказалась в сенях, взялась за дверную ручку.

- Где ваша медсестра? - послышалось из избы. Я не сразу поняла, что это Гена: так властно, уверенно звучал его голос.

- Нету ее, она в соседней деревне живет, - еле слышно ответил слабый голос. Дверь распахнулась, едва не ударив меня по лбу.

- Галя, прошу тебя, зайти.

Мне ничего другого не оставалось. Я вошла в просторную чистую горницу. На столе горит яркая керосиновая лампа, в углу на постели лежит молодая женщина. Она закрыла глаза, стиснула зубы. Лицо серое, как зола. У меня подкосились ноги.

- Вымой руки, будешь помогать мне, - велел Гена. Я ринулась к умывальнику.

Гена снял с женщины простыню и мне стало неловко, я отпрянула назад. Он посмотрел на меня: непривычно собранный, и оттого словно незнакомый, притягательный, как никогда.

- Когда надо бороться за жизнь, стеснительности не может быть места, - буд-то отрезал он. Я подошла к нему поближе, по-прежнему не понимая, что мне надо делать. Повозившись с инструментами, Гена разрезал синюшную кожу измученной долгими схватками женщины. У меня все поплыло перед глазами... Гена стал требовать у меня инструменты. Я понятия не имела, как они называются, не то что соображать, в какой последовательности их подавать. Трясущими руками я взяла всю коробку с инструментами и поставила ее поближе к Гене. Мне показалось, что это лучший выход. Я никогда не чувствовала себя такой беспомощной. Меня поразило, что Гена может быть таким уверенным, хладнокровным.

Вот он взял в руки какой-то лилово-синюшный комок. Я испуганно смотрела на него. Он протянул этот комок мне, а я вцепилась в коробку с инструментами и не могла шевельнуться.

- Оставь их, возьми ребенка, - коротко велел Гена. По-прежнему не соображая, что мне следует делать, я погладила его по головке и вдруг догадалась, что он не дышит. Сердце мое заколотилось, руки затряслись еще больше.

- Он не дышит, Гена! - страшным голосом закричала я. Нагнулась к нему. Оказывается, он еще не закончил, торопливо работает инструментами.

- Укол, делай укол!

Я посмотрела на шприц, он наполнен каким-то лекарством.

- Ну, сделай ему укол в попку, не бойся! Возьми спирт. Это очень просто...

Я посмотрела на ребеночка, лежащего на моих руках, потом на склянку со спиртом.

- Быстрее! - настойчиво повторил Гена.

Я положила ребенка на покрытый простыней стол, потерла прозрачную кожицу спиртом и взялась за шприц. Руки не слушались. Я никак не могла воткнуть иглу в беззащитное тельце, но вдруг словно услышала Генин окрик и решилась. Ребенок по-прежнему не шевелился.

- Гена, он мертвый... - на этот раз из моей груди вырвался только хрип.

- Делай искусственное дыхание!

Каким-то чудом я взяла себя в руки, вспомнила, что когда-то читала, начала массировать ребенку грудь. И - о чудо! - он закричал. Гена отошел от роженицы. Когда он мыл под умывальником руки, вошел мужик, приехавший за Геной на лошади. Он посмотрел на Гену, потом на меня и вдруг подошел ко мне, поцеловал в лоб. Я отдала ему ребенка, которого все еще держала на руках.

- Сын, у меня сын! - радостно воскликнул он, потом испуганно посмотрел на Гену. - А как жена?

- Все в порядке, - как ни в чем ни бывало ответил Гена.

Близился рассвет. Мы выехали в обратный путь. На душе легко и радостно, словно это я спасла мать и ребенка. По обе стороны дороги раскинулось пшеничное поле. На заостренных продолговатых листочках висят тяжелые капли росы. Вот из васильков выпорхнул жаворонок и поднялся в утреннее небо. Из-за шума мотоцикла я не слышала его песню, но все равно она звучала во мне. А вот и перепел, переночевавший у придорожной кочки. Мы вспугнули его, и он перелетел на другое место, подальше от дороги.

- Галя, останови, - попросил Гена. Его голос удивил меня: теперь он снова был стеснительный, ласковый. В нем слышалась и боль, и желание сказать что-то важное, сокровенное...

Я остановила мотоцикл. Гена спрыгнул на землю и начал собирать васильки, сбрызнутые росой. Взлетела потревоженная бабочка, лениво затрепетала крыльшками, но не желая расставаться со сном, прижалась к листу лопуха. На поле забежал ветерок, ночевавший в овраге, нежно коснулся зеленых шелковистых листочков, извещающая о наступлении нового дня, и капли росы серебристыми бусинками скатились на землю. Гена протянул мне влажный букет, ласково прижал к себе...

Мне стало несказанно хорошо. Я, нисколько не смущаясь, посмотрела ему в глаза. Его лицо светилось счастьем.

...Бабушка, конечно же, удивилась, когда я спозаранок заявила домой вместе с Геной. Она тревожно взглянула на нас. Должно быть, не только беда застаёт нас врасплох, мы теряемся, когда приходит и долгожданная, давно загаданная радость.

- Что случилось? - бабушка всполошилась не на шутку и, так и не дождав-шись от меня ответа, повернулась к Гене. Гена подошел к ней, поцеловал руку, осторожно приобнял.

- Благословите нас, Елена Сергеевна, мы решили пожениться.

- Воля ваша, дети мои. Я была бы только рада, но знаете ли вы друг друга так хорошо, чтобы вручать свою судьбу?

Я не дала бабушке договорить, порывисто обняла ее. Она облегченно вздохнула, повернулась к Гене, поцеловала его, как мать целует сына. И торопливо вышла из комнаты. Я поставила цветы в вазу. Мы с Геней молча смотрели друг на друга.

Вошла бабушка, благословила нас. Мы с полчаса посидели за столом, поговорили, попили парного молока. Когда стали выходить, Гена неловко задел вазу, и она упала на пол, разбилась: цветы рассыпались, вода разлилась по столу и полу. Дремавшая на подоконнике кошка проснулась, сердито мяукнула на Гену и выпрыгнула в открытое окно. Бабушка вопросительно посмотрела на меня. Гена понял, что беспокоит ее. Обнял меня: "Это к счастью, только к счастью".

- Пусть так и будет, пусть будет к счастью, - коротко согласилась бабушка. На ее побледневшем лице постепенно проступил румянец.

Мы вышли из дома. Гена пошел в больницу, а я поехала в питомник, высаженный два года назад. Я сама выбирала под него место. Земля здесь хорошая, плодородная. Но, сколько я себя помню, тут никогда ничего не сажали и не сеяли. Говорят, в старину на этом месте шумели леса, но со временем их вырубili. На песчаных участках высадили сосны - это уже было на моей памяти, тогда я ходила в школу, а этот пустырь так и остался не у дел. Позапрошлой осенью мы засадили его ягодными кустарниками и саженцами яблонь нового сорта. Они все прижились, окрепли. Еще во время учебы в академии мне хотелось разбить здесь сад. Возделывать тут хлеб все равно не получится - нет удобной подъездной дороги, кругом много оврагов. Самый большой - овраг Киремети - окружен маленькими балками. На дне оврага Киремети зимой и летом журчит родник, прозрачный, чистый. В нем удивительная вода. От нее ломит зубы - настолько она холодная, но даже если выпить ее в самую лютую стужу, горло не заболит.

Проехав овраги, я свернула к питомнику. Со стороны леса потянуло дымом костра. Возле него суетились школьники. Я оставила мотоцикл возле дороги и направилась к ним. Девочки уже бежали навстречу.

- Мы решили прополоть сорняки, - с ходу сообщила Валя, дочь тети Лидии с нашей улицы.

- А еще собираем прошлогоднюю траву, засохшие ветки и сжигаем, - добавила ее подружка. Их глаза сияли, на загорелых щечках играл румянец. Счастливые, уверенные в себе полудети-полувзрослые. Я похвалила их. Мы подошли к костру. Здесь хозяйничали мальчишки. На траве возле костра лежала кучка печеной картошки.

- Решили и сосняк почистить, - сказал Коля, отвлекаясь ненадолго от картофелины.

- Мудрый вы народ, все делаете правильно.

- А правда, что эти сосны вы посадили?

- Да, мы тогда учились в школе, и нам было столько же лет, сколько вам сейчас. Раньше здесь рос сплошной бурьян. А почва песчаная. Для сосен лучше места не придумаешь. Они уже подросли, теперь здесь как в настоящем лесу.

- Мы картошку испекли, попробуйте, - пригласили девочки.

- Спасибо, я недавно ела.

- Это не в счет, печеная в костре картошка вкуснее. Вы только попробуйте...

Отказываться было неудобно. Мы все вместе поели печеной картошки. Потом я показала ребятам, как надо рыхлить землю под молодыми деревцами. Они закидали остатки костра землей и горячо принялись за работу.

...Домой я, по обыкновению, приехала поздно вечером. Спустилась к озеру. Гена был на берегу, возле старого пня. Увидев меня, он со счастливым лицом заторопился навстречу, мы бросились друг другу в объятия. Постояв так, медленно пошли к дому. У ворот послышался женский голос:

- Где же он? Ребенку худо. Далеко ли ушел?

И голос бабушки:

- Вон они идут.

Гена поспешил к женщине. Переговорив с ней, легко вскочил на телегу, поджидающую возле ворот, и возница тут же огрел лошадь кнутом. Я смотрела им

вслед, пока они не скрылись из виду. Полная желтая луна улыбнулась сквозь ветви старой ивы: мне показалось, она понимает, что бывает счастье, от которого тесно в груди... Голос Гены по-прежнему сладостно звучал в ушах, слова его обдавали жаром сердца.

Я села на мотоцикл и поехала на свое любимое поле, словно хотела поделиться с ним счастьем. Вот показался колодезный журавль, где мы впервые встретились с Геней. Я остановила мотоцикл. Мне совсем не хотелось пить, но я почему-то подошла к нему, схватилась за колодезную бечеву и не ощутила привычной тяжести бадьи - она оборвалась и вместо нее болтался огрызок веревки. Но я ничуть не огорчилась, даже в голову не пришло, что это дурной знак. Я без оглядки понеслась вперед по пыльной дороге. Вот он, дорогой моему сердцу простор полей. Несколько дней назад рожь заколосилась, устремила высь свои верхушки... Я провела рукой по колосьям, словно погладила детские головки. Ладони стали мокрые от росы. Я долго бродила среди покойно дремлющих колосьев. Вот рожь кончилась, теперь перед глазами расстилалось огромное бело-розовое покрывало, словно только что выпал снег. Гречиха. Медвяный дух защекотал ноздри. Я сделала несколько шагов и присела, бережно коснулась кустиков в белых цветочках - они заволновались, зашелестели. Мне показалось, что я чувствую, как под ногами дышит земля, дышит осторожно и трепетно, словно молодая мать над младенцем.

ГЕНА

За сосновым лесом показалось село под раскидистыми ивами. Я, молодой хирург с новеньким дипломом в кармане, почувствовал себя самым настоящим сельским врачом. Остановившись возле придорожного журавля, попил из бадьи. После хлорированной городской воды родниковая вода показалась мне вкуснее всего на свете. Я смочил лицо, постоял, вдыхая влажную свежесть колодца. Мне стало как-то по-особому хорошо, я неизвестно чему улыбнулся, но перед глазами возникла Надя и тут же стерла с лица улыбку... Послышался шум мотора. Я оглянулся. По пыльной дороге мчался мотоцикл, за рулем сидела девушка, ветер развеивал ее белую косынку. Мотоцикл остановился. Необыкновенно красивая девушка соскочила с него и легкими шагами пошла на меня, поправляя на ходу косынку. Я зачарованно следил за каждым ее движением. Она подошла совсем близко, посмотрела в глаза. Меня обдало жаром. Сердце застучало. Какие удивительные у нее глаза! Темные-темные, как этот колодец. И в черной бездонности - светлые искорки. Я с беспокойством смотрел в ее глаза, словно что-то искал в них. Девушка заметила мой взгляд, и ее округлые, будто ласточкины крылья, брови приподнялись, словно собираясь взлететь; на щеках заалел румянец. На неправдоподобно длинной шее темнела небольшая родинка.

- Ой, дайте водички, невозможно хочу пить! - попросила она. Я вздрогнул, услышав звонкий голос. Руки торопливо потянулись к бадье, но вместо того, чтобы придвинуть ее к девушке, толкнули, и бадья камнем ухнула в колодец. Девушка наклонилась, хотела схватить ее, но не успела. Тяжелые черные косы, уложенные вокруг головы, упали на спину, косынка развязалась, слетела вслед за бадьей в колодец. Я даже не попытался поймать ее. Зачем? Разве можно скрывать под косынкой такие роскошные волосы? Девушка с беспокойством смотрела на меня. Ветер словно нарочно приподнял подол платья, обнажил красивые загорелые колени. Наверное, про таких девушек поэты пишут стихи, называют их богинями любви. Пестрый занавес воспоминаний, связанных с Надей, разорвался на мелкие кусочки, превратился в лохмотья и бесследно исчез. Черноокая смуглянка заглянула в глаза и навсегда вошла в мою душу. Мне хотелось заговорить с ней, но слова не находились, мысли путались. Я стоял, опираясь о колодезный сруб, и потерянно молчал.

- Кто ты? - спросила вдруг она. Я догадался, что она сейчас уйдет, но самым глупейшим образом повторил ее вопрос:

- Кто ты?..

Я был уверен, что она рассмеется. Но она молча повернулась, подбежала к мотоциклу, а через мгновение скрылась в густом пыльном облаке. Я остался стоять как истукан...

Здесь, в небольшой сельской больнице, должна начаться моя трудовая жизнь. Село оказалось красивое, тихое. Я подумал, что судьба неспроста закинула меня в этот уголок.

Я устроился в небольшом домике неподалеку от больницы. В ожидании нового врача его привели во вполне приличный вид. Приветливые, разговорчивые медсестры провели меня по больнице, познакомили с персоналом, потом пригласили за стол, накрытый по праздничному. Мне же не давали покоя мысли о красавице. Встреча у колодца то переполняла душу светлыми мечтаниями, то все путалось, как во сне. Я немного невпопад отвечал на вопросы, а иные и вовсе не слышал.

Заметив мою рассеянность, пожилая медсестра куда-то вышла и вернулась вместе со старой женщиной. Ее светлое лицо с правильными чертами, должно быть, когда-то было очень красиво.

- Знакомьтесь, это Елена Сергеевна, бывшая учительница. Молодежь чаще зовет ее Галиной мамой. У Елены Сергеевны лучшее в деревне пиво.

Старуха слегка наклонила голову, здороваясь, поставила на стол кувшин и протянула мне руку. Я поднялся. Она пытливым взглядом взглянула на меня.

- Обычай велит встречать гостя свежим караваем и душистым пивом. Пусть наше безыскусное угощение благословит Вас на Ваш нелегкий труд, - сказала она. Сестра разлила пиво. Мы подняли бокалы. Холодное пиво успокоило, привнесло в душу покой.

Постепенно все разошлись. Елена Сергеевна, посоветовав отдохнуть с дороги, тоже ушла домой.

Я зачем-то все время поглядывал на часы. Казалось, должно произойти что-то важное, и я как мог торопил время. Впрочем, если быть откровенным, это что-то уже произошло. Кто эта красавица? Из какой деревни? А если она уже связала с кем-то свою жизнь?.. Я вспоминал каждое ее движение, темно-карие глаза, излучающие свет, и в душе крепла надежда. Нет, такие глаза не могут обманывать. Ее сердце свободно, оно еще не ведало любви. Я это чувствую. Связать жизнь... Какие недостойные слова! Жизнь не вещь, никто не может распоряжаться ею. Если души, слившись воедино, не могут раствориться одна в другой, вместо радости появляется пустота. У такой любви нет будущего... Да, в моей жизни была женщина. Но я продолжал жить ожиданием любви. И вот она пришла, вспыхнула в один миг, будто сама собой. А как получилось, что я обманул в тех, прежних чувствах? Скорее всего, от неведения. Тоскуя в ожидании любви, мы столь нетерпеливы, что подчас готовы принять за нее вспыхнувший вдруг интерес или восхищение... После сегодняшней встречи у колодца я понял, что у нас с Надей было что угодно, но только не любовь. Если даже я больше никогда не встречу с сегодняшней черноглазкой или она отвергнет меня, у нас с Надей все равно ничего не выйдет. Любви между нами никогда не было и переживать не о чем. Мои мысли снова вернулись к незнакомке.

Она живет где-то поблизости, если не в этой деревне, то в соседней. Я найду ее. Иначе и быть не может - мы рождены друг для друга.

Мне показалось, что она ждет меня, я чуть не бегом выскочил из дома. А очутившись на улице, растерялся: где искать ее, в какую сторону идти? Все вокруг незнакомо... Я наугад повернул в маленький переулок рядом с больницей. Предвечерний прохладный ветерок донес из соседнего сада волшебный запах сирени. Я вдохнул полной грудью и зашел в сад. Он оказался большой и удивительно красивый. Но вот сад кончился, я очутился возле озера. Оно было так прекрасно, что, казалось, могло существовать только в воображении или на картинах старинных мастеров. Я присел на большой пенек на берегу. В воде покачивались белые лилии. Зачарованный красотой, я ждал, когда из темной воды в венке из девственных лилий появится Она... Послышался шум мотоцикла. Словно пробудившись ото сна, я огляделся. Неподалеку глухо взревел мотор и затих. Я пошел на этот шум, но дорогу преградил невысокий плетень. Перемахнув через него, я попал в другой, еще более чудесный сад. Где-то совсем рядом засмеялась девушка, крикнула: "Бабушка, я мигом!" Послышались легкие шаги, я спрятался за раскидистую сирень. На тропинке мелькнуло белое платье. Девушка настежь распахнула калитку, побежала к озеру. В следующий миг она скинула платье, в одном купальнике вошла в воду.

- Что взгрустнули? Давайте купаться! - засмеялась она, коснувшись лилий руками. Ветер шевельнул цветы, и они качнулись, будто приветствуя ее. Девушка сорвала лилию, воткнула в волосы. Вода ласково обняла ее колени, тонкую талию, полные груди. Вот она поплыла, неторопливо разгребая темную гладь.

Я перемахнул обратно плетень и спустился к озеру. Сердце колотилось. Я стоял как вкопанный, но это продолжалось недолго - девушка

заметила меня и повернула к берегу. Дошла до мелководья, поднялась на ноги. Теперь вода поддерживала ее за колени. Мы не отрываясь смотрели друг на друга.

Я хирург, и мне не в диковинку видеть женское тело. Но такой красоты встречать не доводилось. Она показалась мне богиней.

Я шагнул ей навстречу. И заметил, что вода вокруг ее ног окрасилась кровью. Я бездумно вошел в воду, поднял девушку на руки. Оказывается, в пятку вонзился рыболовный крючок...

Скальпель не хотел слушаться моих рук. Надо разрезать ногу, иначе крючок не вытащить, но так не хочется причинять ей боль. Я взглянул на девушку. Она была удивительно спокойна, как будто не ей резали ногу. Не плакала, не морщилась, только положила мне на плечо свою маленькую руку. А в глазах светилась любовь. Да, любовь! Я не мог ошибиться. От радости перехватило дыхание. Я неторопливо забинтовал ногу. Она сидела не шелохнувшись. Я хотел заговорить с ней и не мог...

В дверь постучали. Мне пришлось срочно отправиться к больному. Вернувшись от него, я положил чемоданчик с инструментами и вышел на улицу. Ночь, как нарочно, выдалась словно для влюбленных. Я перепрыгнул через садовый плетень. Запах сирени заполнил все вокруг. Я всмотрелся в окна. За одним из них была она, Галя. Наугад подошел к одному, закрытому ветками сирени. В него падал лунный свет. Привстав на цыпочки, я всмотрелся вглубь комнаты. На кровати у стены спала она, Галя. Должно быть, ей снился сладостный сон: на губах блуждала улыбка, высокие груди мерно поднимались и опускались в такт дыханию. Лунный свет осветил ее лицо, и оно показалось еще загадочнее, привлекательнее. Хотелось разбудить ее, сказать те нежные слова, что переполняли душу, но я не осмелился. Отошел от окна, осторожно сорвал ветку сирени, поцеловал росистые гроздьи и положил на подоконник...

Жизнь с новой силой вошла в меня, я словно был омыт ее чистотой и свежестью. Любовь распахнула передо мной свою заветную дверь. Как бы я был счастлив, не будь в сердце горьких воспоминаний! Словно возвращая из сладостного забытья, перед глазами появилось лицо Нади, обдало холодком. Будто наяву, выплыли из прошлого далекие и не очень далекие дни...

Казалось, я с самых первых мгновений был рожден для печали. Судьба накрыла меня черным пологом, едва я впервые взглянул на белый свет: моя мама умерла при родах. Я никогда не видел ту, что даровала мне жизнь. Ее руки не ласкали меня, я не знал материнской любви и нежности. На свете нет ничего дороже матери, особенно в детстве. Я искал и узнавал маму во всех женщинах, смотревших на меня с жалостью. Как-то сидел у дверей детского дома, возился с червяками. Я клал их рядышком друг к другу на лист лопуха, они норовили уползти. Я терпеливо возвращал их, стараясь, чтобы червяки лежали смиренно, и вдруг почувствовал душистый запах. Я поднял голову. На меня смотрела красивая молодая женщина. Ее губы смеялись, голубые глаза словно гладили меня. Неожиданно для себя я вскочил на ноги. Снял шапочку и стал тереть ее в руках. И радостно чему-то засмеялся. Она подошла поближе. Я был уверен, что сейчас она погладит меня по голове, с готовностью наклонил ее. Но она не прикоснулась ко мне.

- Смотри, дождик накрапывает. Надень шапочку, иначе простынешь, - сказала тетенька. - Ой, да ты красавчик! Как тебя зовут?

Я торопливо назвался. Женщина молча смотрела на меня, потом вздохнула.

- Ты зачем пришла сюда? - спросил я.

- Просто шла мимо, - она наклонилась и зачем-то принялась застегивать мою куртку, сняла шапочку, снова надела, неуверенно обняла меня. И так же неожиданно отстранилась, зашагала прочь. Какое-то время я стоял неподвижно, не понимая, что произошло, и вдруг сорвался с места, побежал за ней. Под ногами хлюпала вода, я бежал напрямик через лужи, стараясь догнать ее. Оставалось совсем немного. Она оглянулась. Я подбежал к ней, уткнулся лицом в юбку. Она наклонилась.

- Ну, что, маленький, куда бежишь? - ее голос звучал нежнее всего на свете. Я не ответил. Тетенька торопливо открыла сумочку, вынула конфету, протянула мне. Руки сами собой потянулись к яркой обертке, но я продолжал смотреть ей в глаза. Она опять сняла с меня шапку, надела. Я успел почувствовать, какие у нее теплые, мягкие руки. Ее ласковое прикосновение дошло до моего сердца, из глаз брызнули слезы.

- Мама, - тихо позвал я. Женщина попыталась улыбнуться, но губы у нее

дрогнули, она что-то сказала, поднесла к глазам платочек, провела им по щекам. Я уже раскрыл руки, чтобы обнять и успокоить ее, но она внезапно выпрямилась и почти бегом устремилась в ближайший переулок. Я остался стоять, ничего не понимая. Убежала... Какой-то холодок заполз в мое сердце. Конфета в блестящей обертке упала в грязь. Выскочила большая лохматая собака, с сердитым лаем кинулась на меня. Страх перед собакой оказался сильнее горя. Я повернулся и побежал к детдому. Вернулся весь промокший, перепачканный. Тетя Маша, наша старенькая воспитательница, всплеснула руками, запричитала.

- Где ты пропадал? Вот пострел! Гляди, как вымазался. Пооди, опять с жучками да гусеницами возился. Что тебе, игрушек не хватает... Погоди, а где ты был? Весь двор обыскала, тебя нигде не было, - она сняла с моей головы шапочку и тяжелой ладонью провела по коротко стриженным волосикам. - Иди умойся! Пора ужинать да спать ложиться, - она еще раз погладила по головке и отошла от меня. Но я подбежал к ней, уткнулся головой в колени. Теплые руки снова приласкали меня. Тут же подбежали Шурик с Вовкой и еще две девочки, встали за мной, ожидая каждый своей очереди. Тетя Маша обласкала всех.

- Воробушки вы мои... Пострелята малые, деточки, - ее голос доходил до самого сердца. Я лег спать. Сердце ныло. На языке все время вертелось слово "мама". Мне хотелось сказать его вслух, и не просто сказать, а закричать, чтобы все слышали. Впервые я мучился оттого, что не мог заснуть...

Прошли годы. Я стал школьником.

- Молодец, ласточка. Ты с крыльями родился, хватило бы силенок их распрямить, - сказала однажды тетя Маша. И тут же повернулась к няне: - Умный мальчик. Видать, отец с матерью толковые были. С первого класса на "пятерки" учится... Эх, выучиться бы ему...

- Разве что сам очень постарается, - сказала молоденькая няня.

- Своего старания мало, помощь тоже нужна, - вздохнула тетя Маша.

- Окончит восемь классов, а дальше, может, государство поможет.

- Как уж все сложится...

- А что ты переживаешь? Вырастут как-нибудь. Глядишь, и в люди выбьются.

Этот невольно подслушанный разговор изменил мою жизнь. Стоило чуть похвалить, и я поверил в себя. Но я радовался не только за себя - меня переполняла гордость за родителей: ведь сказали, что они были умные! Эти слова грели мне сердце, как никакие другие. Я стал учиться еще старательнее.

В восьмом классе на уроке литературы как-то сам собой возник вопрос о том, что такое счастье.

- По-моему, это когда ты нужен людям. Не только своим близким и друзьям, но и совсем незнакомым, чужим, - сказал учитель.

Мы разговорились, горячо обсуждая все на свете. А ночью я ворочался в постели без сна. "А что нужно сделать, чтобы почувствовать себя счастливым?" - думалось мне. Вспомнилось, как я был горд, когда услышал: "Его родители были умные люди". Вот чего не хватает - мамы, отца. Без них мое детство не могло быть счастливым. Мама!.. А вдруг врачи виноваты, что она умерла во время родов... Стало зябко от этой мысли, захотелось отомстить за свое сиротство. Неужели нельзя было спасти ее? Неужели нельзя? Может, счастье - это спасать людей? Отнимать матерей из рук смерти и возвращать детям... Матерей - детям.. Я стану врачом. Дети должны расти в семье. У них обязательно должна быть мама. Я стану хирургом. Сделаю все, чтобы люди не умирали раньше времени, не оставляли своих детей. Я смогу это! Я сильный. Но надо стать еще сильнее. Надо учиться. Учиться! Пусть придется голодать, но я выучусь. Буду ходить разутый-раздетый, буду мерзнуть, но я выучусь!..

Кто учился в медицинском, знает, как это тяжело. Вначале я впал в уныние. Большинство терминов на латыни, все надо запоминать раз и навсегда. Зубрежка, зубрежка и зубрежка. Клетки, кости, кишки. Не институт, а сплошной ад... Вот куда завели меня мои мечты. Может, я ошибся, поступив сюда?.. Нет, надо потерпеть. Врачи такие же люди, как и я, но сумели пройти через учение, зубрежку. И разве может быть легко воевать со смертью?..

Тем временем появились трудности, от которых я и вовсе приходил в отчаяние. После осенней непогоды с холодными дождями начали опадать на землю лепестки холодных хризантем. Земля покрылась белым убором, оголившиеся деревья, уставшие от слякоти, погрузились в покойную дрему. Молодые воробьи с жаром переговаривались на голых ветках, подняв крылышки,

весело ныряли в чистый снег. Наслаждаясь свежим морозным воздухом, люди шли по улице. А я бежал в общежитие, словно кто-то гнался за мной. На мне были тонкая рубашка и летний пиджачок, легкие ботинки. В них набился снег, стал таять. Налетел сильный ветер, деревья склонились чуть ли не до земли. Веселые воробьи в один миг куда-то исчезли. По-вечернему сумрачное небо потемнело. Я остановился возле магазина. Встав в сторонку, пересчитал оставшиеся копейки. На хлеб хватит.

- Ишь, как метет! А этот по метели раздетый бегаёт, ай думает, вовек болеть не будет? - услышал я сзади себя. - Зря, зря, форсить в эдакую погоду не стоит.

- Гена, погоди! - раздался вдруг знакомый голос. Оглянулся: тетя Маша. - Ой, как давно не видела тебя, сынок! Вон какой стал! Дай руку. Поздравляю, теперь ты у нас студент. Почему не заходишь? Частенько тебя вспоминаем.

- Времени нет, тетя Маша. Как вы живете?.. - Я расспросил о знакомых.

- Погодь, Гена, не заболел ты часом? Худой больно стал, - забеспокоилась женщина, вырастившая меня. На сердце потеплело. Захотелось снова уткнуться головой в ее руки. Слово она и сейчас, как в детстве, могла погладить, приласкать, и забылись бы все горести и обиды...

- Все в порядке, тетя Маша.

Она пытливым взглядом посмотрела на меня.

- Ну, коли сам не заглядываешь, скажи, где живешь. Зайду как-нибудь, - в ее голосе было беспокойство. Я назвал свой адрес, и мы попрощались.

В общежитии меня стало бросать то в жар, то в холод. Я укрылся одеялом, принялся за конспекты. Но голова болела, мысли путались. Пришлось подняться. Я вскипятил чай, поел свежего мягкого хлеба, снова укрылся.

Вечером в комнату постучались двое ребят с третьего курса.

- Ты лежи. Мы ненадолго, - протянул руку черноволосый. - Давай знакомиться. Отвлекать тебя особо не будем. Решили помочь немного. Видать, тебе сейчас не сладко приходится, как и нам. Вот что, дружище. Я подрабатываю в детском саду дворником. Это почти как две стипендии. Если хочешь, для тебя тоже работа найдется.

- Хорошо бы, - я не мог скрыть радости. - Садик далеко?

- Нет, почти рядом с учебным корпусом. Сегодня поздно, все разошлись. Зайдем завтра, после занятий.

- Как я вас найду?

- Возле деканата. Если выйдешь с лекций пораньше, подожди.

Парни попрощались.

Люди живы друг другом... Значит, не все у меня так плохо. Да что там плохо - в этот момент жизнь показалась прекрасной. Я с нетерпением стал ждать завтрашнего дня.

Старшекурсники действительно помогли. В тот же день я устроился на работу. И успокоился. Появилась уверенность, что теперь уж точно смогу продержаться. Выучусь.

Вечером я вернулся в общежитие в приподнятом настроении. Стал прикидывать, что из одежды можно будет купить через месяц на первую зарплату. Вскипятил чай, нарезал хлеб и сел ужинать. Все тело знобило. Но это больше не пугало. Появилась надежда заработать. И стипендию получаю.

В комнату вошел мой сосед Саша.

- Приятного аппетита, - буркнул он. Должно быть, пришел из столовой, сразу повалился на кровать. - После зимней сессии ты начнешь получать большую стипендию. Конечно, если будешь так же усердно грызть гранит науки... А мне стипешка не светит. Никогда не думал, что будет так трудно учиться...

- Мог бы поменьше таскаться по кинотеатрам.

- Я жить без кино не могу. А здесь за шесть лет монахом станешь, - Саша почему-то обиделся, отвернулся к стенке. И быстро засопел. Я сел читать. В дверь громко постучали. В комнату вошли тетя Маша и директор детдома Николай Васильевич. От неожиданности я растерялся.

- Добрый вечер, сынок, - шумно поздоровалась тетя Маша. - Нашли наконец пропавшего.

- Гена, ты совсем забыл про свой дом. Нехорошо, - заговорил директор. Я не нашелся, что ответить, предложил сесть. Тетя Маша поставила большую сумку в угол, тяжело опустилась на стул.

- Целый день на ногах... Дети гриппуют. Не успеет зимой пахнуть, как эта зараза тут как тут, - вздохнула она.

- Ну, Геннадий, как учеба, как жизнь? - спросил директор.

- Пока не очень. Но со временем все будет нормально, Николай Васильевич. Дворником устроился, в детсад... Стипендию тоже получаю.

- Хорошо, очень хорошо. Заработанный хлеб всегда вкуснее. Рад за тебя. Ты человек упорный, обязательно найдешь свое место в жизни, - сказал Николай Васильевич, с жалостью глядя на меня. - Мы пришли к тебе, Геннадий, от имени коллектива детдома. То, что ты поступил в институт - событие не только для тебя, но и для нас. По этому случаю решили сделать тебе подарок. Купили пальто, теплую обувь...

- Мне ничего не надо!

Тетя Маша поднялась, открыла сумку.

- Не говори так, сынок... Ты не чужой нам. И подарок не от чужих людей... - она вынула сложенное демисезонное пальто, встряхнула, разглаживая. - И цвет тебе должен подойти, и недорогое. Иди примерь.

Я не мог сдвинуться с места. Тетя Маша удивленно поглядела на меня.

- Что ты, сынок, нельзя так себя вести.

- Не из своего кармана, Геннадий, и не на ворованные деньги куплено. Это из специального фонда, - в голосе директора явственно звучала обида.

- Гена, мы же от всего сердца...

Я надел пальто.

- Как на тебя сшито! - обрадовалась тетя Маша.

Николай Васильевич тоже оживился.

- Ну, Геннадий, не особо теплое, но лучше, чем ничего. Не стесняйся, это тебе от государства. Оно тебя вырастило, а сейчас старается выучить. Здесь нечего стесняться. Главное, чтобы здоровье не подвело. Как бы ни было трудно, не отступай от своей цели.

- Носи на здоровье, сынок, - тетя Маша обняла меня. Я словно очнулся, поблагодарил их. На душе стало как-то по-особому тепло. Я понял, что не одинок в этом мире. И день за днем, шаг за шагом шел к своей мечте. И вот дошел. Все пережитое словно осталось за темно-серым занавесом. Впереди меня ждет любимая работа. Впереди - счастье! Я лучше многих знаю ему цену. И смогу сберечь. Если судьба кидает тебя одной рукой в пламя, то в другой держит наготове чашку с холодной водой. Сейчас я чувствую себя как измученный жадой странник, блуждавший по пустыне и вдруг оказавшийся у живительного родника. Поэтому, глядя на внезапно свалившееся счастье, у меня кружится голова.

... Совсем рядом послышался голос гармошки. Она о ком-то тосковала, кого-то звала. Над головой упала звезда. Я направился к озеру. В свете луны оно похоже на темное зеркало, окаймленное белой полоской, - это лилии, которые почему-то кажутся еще белее, чем днем. Может, поэтому хочется верить, что в иные ночи здесь плещется сама богиня любви... Я сел под ивой. В переулке послышались чьи-то шаги. В эту чудесную ночь не спится не мне одному... Я не чувствовал, как идет время. Поднялся только когда один за другим закукарекали петухи. Никуда отсюда не уеду. Отныне мой дом будет здесь. А вот больницу надо расширить. Село большое, вокруг тоже много деревень. Не ездить же людям всю жизнь лечиться в райцентр. Надо будет поговорить в министерстве...

На следующий вечер я ждал Гаю у озера. Долго сидел на берегу, пока не услышал шум мотоцикла. Сердце забилося. Я ринулся к Галиному дому. Она вышла навстречу - губы смеются, в глазах любовь. Я раскинул руки и в следующий миг сжал ее в объятиях. Оставляя за собой одну тень, мы зашагали в сад. Галя села на скамейку под молодой березой, я устроился возле ее ног, положил голову ей на колени. Вокруг было тихо и спокойно. И такое же покойное блаженство охватило меня.

Галя молчала. Ее ласковые руки нежно перебирали мои волосы. Я тоже молчал. И что говорить? У меня никогда не хватило бы слов, чтобы передать ей свои чувства.

И вдруг вспомнилась Надя. Я и раньше не мог отчетливо представить ее лицо, а сейчас она и вовсе отдалилась, стала едва различима, словно в тумане. Я поднял голову, чтобы рассказать о ней Гале, но увидел ее лицо, сияющее любовью, и не смог. Слезы застлали мне глаза. Я беззвучно заплакал впервые с тех пор, как стал взрослым...

В вестибюле висит объявление, написанное красной гуашью. Концерт! Мы с

друзьями решили сходить. Зал был набит битком. Мы сели на последнем ряду и стали ждать, когда откроется занавес. Наконец, концерт начался. Третьекурсницы спели, какие-то незнакомые студенты отплясывали - словом, все старались как могли, но я то и дело впадал в дремоту, пока на сцену не вышла девушка в желтом платье. Невысокая, тоненькая, светлые волнистые волосы рассыпаны по плечам, оголенные руки белые, словно мрамор. Вот она нетерпеливо трянула головкой, поискала кого-то глазами среди зрителей, улыбнулась и запела. Удивительно, до чего сильный голос был у этого худенького создания! Зал радостно встрепенулся. Девушка пела уверенно, изящно двигалась в такт музыке, глаза по-прежнему кого-то искали, руки неистово к кому-то стремились, а потом горестно сжимались у груди. Я не разобрал ни единого слова, но не мог не понять, что она пела о любви. Музыка кончилась. Девушка исчезла за кулисами. В зале громко захлопали. Она снова вышла на сцену. На этот раз ее лицо казалось повзрослевшим. Я не мог отвести от нее глаз. Сердце откликалось на каждое ее движение, а голос словно проникал в самую кровь. Я невольно вскочил на ноги и опомнился только когда сосед потянул за полы пиджака. Я наклонился к нему:

- Откуда она взялась? Артистка из филармонии?

- При чем тут филармония?.. Ну ты даешь, она же наша студентка, с первого курса, - нехотя ответил он.

- В общежитии живет?

- Гена, ты вечно отстаешь от жизни! Это Надюша, ее в институте все знают...

- Надо же, какой талант!

Он насмешливо улыбнулся.

- Это тоже известно, многие погрелись у ее огня. Я сам..

Должно быть, кровь ударила мне в голову: я так стукнул парня, что он ничком свалился в проходе. А еще через пару минут меня скрутили дружинники, повели с собой. У выхода я оглянулся. Девушка с сияющей улыбкой кланялась зрителям. В зале поднялся шум. Аплодисменты, крики, пронзительный свист. Мы очутились за дверью.

- Разрешите вернуться в зал? Пожалуйста! Послушаю ее, а потом весь к вашим услугам, делайте тогда со мной, что хотите, - попросил я. Дружинники не захотели меня слушать. Я посмотрел одному из них в глаза: - Скажи, ты любил когда-нибудь?

Он кисло улыбнулся:

- Было дело, но рук из-за этого не распускал.

- Давай шагай, хватит болтать! - одернул меня его напарник.

- Сказал, не пойду никуда, пока не дослушаю ее.

- Не задерживай. И не переживай о девушке. Там на всех хватит, еще и останется, - вмешался долговязый третьекурсник. Я ловко сделал ему подножку.

- Меня тоже ударишь? - удивленно спросил первый дружинник, у которого я выпытывал, был ли он влюблен.

- Конечно, - не задумываясь ответил я, а в следующий миг он кувырком скатился по лестнице. Я вернулся в зал на свое место. Но Нади на сцене уже не было. Я пошел за кулисы, но не нашел ее.

В ту ночь я не сомкнул глаз. В ушах звучал голос Нади. Странно: лицо ее виделось будто сквозь дымку, а голос звучал так, словно она пела рядом, пела для меня. На следующий день я то и дело подходил к аудитории, где занимались первокурсники. И после лекций все-таки увидел Надю. Светлая, стройная, она легко шла по коридору и улыбалась. Я поразился: она оказалась совсем не такой красивой, как виделась вчера со сцены. Но голос, ее чудесный голос...

- Девушка, вы спешите? Я тоже спешу. Давайте спешить вместе.

Она улыбнулась:

- Я вовсе не спешу.

- Я только что понял, что тоже не спешу. Значит, нам по пути.

- Вы удивительный.

- Как вообще все люди. Разве не так?

Она посмотрела мне в глаза, перестала улыбаться.

- Нет, вы не похожи на других. Вы не только красивы, но, кажется, очень добры, - задумчиво произнесла она.

- Красота это неплохо, но лучше, если есть талант. Только он отличает человека.

- Может, это и верно. Мне кажется, талантливые люди самые счастливые на

свете.

- Мы с вами тоже рождены для большого счастья... - я недоговорил. Надя громко рассмеялась.

- Все рождаются для счастья, но дается оно не каждому.

Мы незаметно дошли до кинотеатра. Надя замедлила шаг.

- Пойдем в кино, - предложила она. Именно этого я и боялся, потому что денег у меня не было.

- Скорее всего, это не лучший фильм. И название нестоящее.

- Лучше соznайтесь, что не хотите никуда со мной идти. Впрочем, я не настаиваю, - Надя легкими шагами направилась к кассе. Я удержал ее за руку.

- Надя, я готов пойти с вами куда угодно, но сами понимаете, стипендия дама капризная: вроде только что была, и уже нет.

- Только и всего? Ну, это не страшно, - она вынула из сумочки деньги, протянула кассиру. Потом мы зашли в буфет. Надя накупила разных бутербродов, конфет. Наскоро перекусив, мы поспешили в зал: уже прозвенел последний звонок. Свет медленно погас, начался фильм. Надя села вполборота ко мне, вынула горсть конфет и вложила в мою ладонь. Я легонько сжал ее пальцы. Ее худенькая ручка напомнила гусиную лапку. Меня это покорило, но в тот же миг в ушах зазвучал ее голос, и нехорошее чувство тут же рассеялось. Мы больше смотрели друг на друга, чем на экран. Я несколько не сомневался, что Надя тоже влюбилась в меня. После фильма мы вместе вернулись в общежитие. Я проводил ее до комнаты, мы попрощались. Я сделал несколько шагов, чтобы пойти к себе, и обернулся. Надя не спешила заходить. Мне показалось, что в ее глазах мелькнули насмешливые огоньки.

На следующий день меня как следует взгредли на комсомольском собрании за потасовку с дружинниками, объявили выговор. Я вышел оттуда весь взмокший, встал у открытого окна. За спиной послышались легкие шаги. Я оглянулся: это была Надя. На душе сразу стало как-то спокойнее.

- Идешь в общежитие?

- Нет, мне надо на репетицию.

- Можно мне присоединиться? Так хочется послушать, как ты поешь.

- Конечно, пойдем, - Надя взяла меня под руку и мы направились в небольшой зал на втором этаже.

Надю уже ждали. Женщина средних лет села за фортепьяно. Надя спела несколько песен. Я словно опьянел от ее голоса: он уносил меня то в заоблачную высь, то увлекал в райский сад, где царствовала любовь. Я так волновался, что не заметил, как закончилась репетиция. Девушки ушли, аккомпаниатор бесшумно закрыла за собой дверь. Мы остались вдвоем.

- Ты не устала, Надя? Может, споешь для меня...

- Для тебя я готова петь хоть целый день, - Надя сняла со стены гитару, встала передо мной. Ее худенькие пальцы коснулись струн.

Я следил за каждым ее движением. Ее голос проникал в самую душу. Надя показалась мне самой нежной, самой лучшей на свете. Я невольно встал и поцеловал ее руку...

Мы не спеша вернулись в общежитие. У Надиной комнаты я остановился.

- Не хочешь посмотреть, как я живу? - в голосе Нади звучала обида.

- Я бы с удовольствием. Неудобно беспокоить соседок...

- Беспокоить некого: одна на практике, другая болеет...

Надя открыла дверь и мы оказались в темной комнате. Она прижалась ко мне, обвила руками шею и, поднявшись на цыпочки, нашла мои губы. Я порывисто поцеловал ее.

- Раздевайся, что ты медлишь, - засмеялась Надя. Я торопливо скинул одежду. Надя сняла платье, подошла ко мне...

Утром мы вместе пошли в институт, за обедом тоже сидели рядом. Я объявил друзьям, что женился, и они шумно поздравили меня.

Пока Надина соседка лежала в больнице, мы жили в ее комнате. Потом я вернулся к себе. С Надей мы теперь виделись только днем, в институте, говорить было особо не о чем. Обычно она брала в столовой обед на двоих и сидела ждала, когда я выйду с лекции. Надя никогда ни о чем не беспокоилась, по-прежнему улыбалась всем вокруг. Это стало тревожить меня. Как-то воскресным вечером я пошел к ней. Надя накручивала перед зеркалом волосы. Когда я вошел, она обрадовалась, словно ребенок.

- Скучаешь? - тихо спросил я.

- Очень.
- Хочешь, мы будем жить вместе?
- Разве это возможно?
- Собирай вещи. Мой сосед подыскал себе другую комнату.

Надя отложила бигуди и принялась как попало кидать свои вещи в сумку. Так началась наша совместная жизнь.

Я учился на последнем курсе, готовился к госэкзаменам и порой просиживал за книгами далеко за полночь. После вечернего чая Надя отдыхала, накручивала волосы, мазала лицо кремами и укладывалась спать. Утром я готовил и ставил завтрак на стол, потом будил Надю. Но это еще куда ни шло. Постепенно разные мелочи сложились в огромную гору проблем. Стипендии, на которую я кое-как перебивался, пока был один, теперь не хватало и на пару недель. Чтобы как-то сэкономить, я перешел на чай с хлебом. Надя же жить не могла без разного рода безделушек, дорогих конфет. Из дома ей регулярно высылали деньги, но через три дня Надя даже не могла вспомнить, на что их потратила.

Как-то я заговорил с Надей о том, чтобы расписаться. Она скривилась.

- К чему спешить? Если ладить между собой, какая разница, есть у нас печать или нет?

- Несерьезно все у нас. Будто время проводим...

- Жизнь покажет. Может, и распишемся, - сухо сказала она. Я не стал настаивать. Откровенно говоря, сам тоже не горел особым желанием.

Деньги кончились. Ем раз в день. Голова тяжелая, как после угара, постоянное чувство голода не дает сосредоточиться. Я с жалостью думаю о Наде. Я все же мужчина, потерплю, а как же трудно ей, такой худенькой... В комнате тепло. Надя раскрылась во сне как бабочка и безмятежно спит. Время позднее, надо бы написать реферат. Как назло, у меня кончились чернила. Открыл Надину сумку, чтобы взять ее ручку и оторопел: в ней две булочки, колбаса, кедровые орехи, конфеты... Я повесил сумку на место. Задумался. Как же так?! Ради нее я готов вынуть кусок из рта, а она... Наверное, отец прислал деньги... Желание заниматься пропало, голодный, я лег спать.

Назавтра занятия кончились пораньше. Я подумал, что Надя еще на лекции, и решил не беспокоить ее, вернулся в общежитие. А она в красном шелковом платье и красных туфлях крутится перед зеркалом.

- Ты как бабочка, вот-вот взлетишь. Этот цвет тебе к лицу, - сказал я. Надя радостно засмеялась.

- Посмотри на мои туфли. Это сейчас самые модные, - она с удовольствием продемонстрировала свои ноги.

- Красивые. Когда ты их купила? Не помню, чтобы они были раньше.

- О, я сегодня обошла почти все магазины, пока не нашла их.

- А деньги откуда?

У Нади моментально испортилось настроение.

- Отец прислал.

- У нас есть что-нибудь покушать?

- Нет, я все потратила, - холодно ответила Надя. Ее ледяной тон сковал меня.

- Получается, ты не ходила на лекции?

- Нет...

- А сейчас куда собираешься?

- На концерт.

Она машинально отвечала на мои вопросы, продолжая прихорашиваться. И вдруг вскипела:

- Собственно, что ты меня допрашиваешь?

- Я считал, что мы муж и жена.

- Где написано, что я твоя жена?

- Вот почему ты не захотела расписаться, - я снял ботинки, сел поближе к батарее. На улице было морозно, и ноги совсем заоченели. Я не стал больше ни о чем допытываться. Надя тоже замолчала, взглянула на золотые часики и стала торопливо одеваться.

- Не собираешься ли ты идти в туфлях? Сегодня холодно, - не выдержал я, увидев, что она стоит возле двери в тонких чулках и легких туфельках. Она обернулась:

- Поеду на такси... Не скучай, я скоро вернусь.

Я посмотрел ей вслед и опустился на постель. В душе все перевернулось, мысли путались. Меня душили ревность и обида.

Вскоре я устроился подрабатывать на станцию скорой помощи. Надо было дежурить с четырех до одиннадцати вечера, как раз после занятий в институте. Теперь после лекций я сразу ехал на станцию и возвращался домой ночью, усталый. Надя редко ждала меня: то она в театре, то на концерте. Я ничего не знал о ее жизни и только по жалостливым взглядам друзей понимал, что творится неладное.

Началась зимняя сессия. Экзамены я выдержал неплохо, а вот Надя ... Мне пришлось изрядно поволноваться за нее. Она не сдала ни одного экзамена, и в конце-концов ее исключили из института. Надя погрузилась. Однажды, когда я вернулся с работы, она навзрыд рыдала в подушку. Мне стало жаль ее.

- Не расстраивайся ты так. Теперь-то зачем плакать? Сама виновата. Если ни разу учебник в руки не взяла, как можно сдать экзамен? Медицинский нельзя закончить с налету... Может, попробовать в консерваторию или театральный? Вдруг у тебя действительно талант?

Надя слушала молча. Как дети смотрят на взрослых, если случится беда, так и она не сводила с меня кротких глаз.

- Там тоже заставят учиться... У меня не хватит терпения, у меня никогда ничего не получится, - она двумя руками вытерла слезы.

- Потерпишь немного, со временем привыкнешь, - я, как мог, пытался утешить ее. Но Наде это было ни к чему. Она моментально высушила слезы, уселась ко мне на колени, обняла за шею. Не знаю, о чем она думала, а мне было горько.

Жизнь текла своим чередом. Я по-прежнему учился, работал, Надя продолжала плясать под свою дудочку. Со временем друзья стали чураться меня, а с Надей и вовсе не здоровались. Однажды я вернулся домой раньше обычного. Нади не было. Я подошел к окну. Полнолуние. Ночь такая светлая, хоть иголку вдевай. В голубоватом свете луны драгоценными камнями переливаются снежинки. Возле небольшого строения напротив я заметил тень. Вначале решил, что она от столба, но на глазах тень раздвоилась и превратилась в две фигуры. Почему-то кольнуло сердце. Двое вышли на свет. Женщина в светлой шубке поцеловала крупного плечистого мужчину и побежала к двери общежития. Я узнал Надю. Говорить с ней не хотелось, я быстро улегся и сделал вид, что сплю. Надя тихо вошла в комнату, бесшумно разделась и легла рядом. Утром, когда я уходил в институт, она еще спала.

То, что я раньше принимал за любовь, теперь безжалостно мучило меня. Я понял, что ошибся: это была не любовь, а беда, злая напасть, с которой я не знал, как справиться.

По ночам я не мог сомкнуть глаз. Когда Надя прижималась ко мне, я просыпался, словно меня обдавало холодом. Я отодвигался на самый краешек кровати, чтобы не чувствовать ее. По утрам уходил тихо, как вор, лишь бы только не разговаривать с ней. Мне больше не хотелось возвращаться в свой угол. Только на работе я чувствовал себя свободно. Дни шли один за другим, подчиняясь неумолимым законам природы, не ведая ни радости, ни страданий.

Однажды вечером мне было особенно не по себе. Вызвали к больному. На обратном пути я решил ненадолго забежать домой, попить чаю. Взбежал на третий этаж, по привычке осторожно открыл дверь. Вошел и услышал непотребную брань. На кровати с Надей лежал крепко сбитый мужчина со скуластым монголоидным лицом, узкими глазами...

...Друзья с радостью приняли меня. Постепенно я стал приходить в себя. С Надей почти не виделись. Встретив меня случайно, она отводила глаза, а я делал вид, что не замечаю ее. Прошли трескучие морозы, зима близилась к концу. Падал тихий снежок. Я не спеша, наслаждаясь свежим воздухом, возвращался с работы. Возле общежития ко мне подошла Надя. Глаза сухо блестят, лицо бледное.

- У меня будет ребенок, - не поздоровавшись, объявила она.

- Пусть. Какое мне дело? - холодно ответил я. Надины глаза превратились в щелочки. Она всплеснула руками.

- Это твой ребенок, - тонкие губы скривились, по ним пробежала презрительная улыбка.

- Как ты докажешь, что это мой ребенок?

- Ребенком.

В душе шевельнулось незнакомое дотоле чувство. Ребенок! Он приходит в мир не для того, чтобы держать ответ за отца и мать. Он рождается, чтобы жить и в свой час продолжить человеческий род. У младенцев после рождения такой вид,

будто они сердятся. Когда я впервые взял на руки только что появившегося на свет человечка, очень удивился: у него было недовольное, даже сердитое лицо. "Приветствую, малыш! Не хмурься, жизнь - интересная штука", - я хлопнул его по попе. Он закричал, акушерки засмеялись.

Скоро родится мой собственный ребенок, если, конечно, он действительно мой. Сомнения не покидали меня.

- Если мой, я его не оставлю, не беспокойся, - с трудом выговорил я, не глядя на Надю. Она помолчала. Потом сказала:

- Я уезжаю... Возвращаюсь домой.

- Возможно, это к лучшему. Поступай в следующем году в консерваторию...

- Больше не буду такой легкомысленной, никогда... А в прошлый раз, ну, тогда... не только я, но и тот человек виноват, да и ты тоже.

Это было уже слишком.

- За свои поступки и желания надо отвечать самой, - отрезал я.

Надя опустила голову. Должно быть, она давно ждала меня: замерзла, дрожит.

- Тебя проводить? - я почувствовал, что Надя хочет сказать еще что-то. - Если хочешь, зайду утром, отвезу на вокзал.

Надя протянула руки в мою сторону, я не шевельнулся.

- Провожать не надо. Лучше иди на занятия. Тебе и так приходится нелегко: и учишься, и работаешь. Сама доеду... Вещей немного.

- Может, деньги на дорогу нужны?

- Отец прислал... Гена, будешь писать мне?

- Стоит ли?

- А ребенок? Он тебя не интересует? - Надя поправила упавшую на лоб прядку, и я заметил, как дрожат ее пальцы.

- Хорошо. После распределения сообщу свой адрес. Если надумаешь, приезжай. Но не настаиваю, воля твоя, - я протянул руку. Надя торопливо пожала ее. Ее рука снова напомнила мне гусиную лапку.

... Любимая моя! Бесценное мое сокровище! С тобой я снова поверил в себя и в свои мысли, поверил в добро и любовь. Ты вдохнула в меня неведомые дотолле силы. Так хочется рассказать тебе о своих былых сердечных ранах. Ты как богиня! От тебя исходит свет любви. Как непохоже это на то, что произошло со мной... Но не отвернешься ли ты от меня, если узнаешь обо всем?..

Светает. Налетел свежий ветерок, стал обыскивать кусты и деревья. Мы вышли из сада.

По вечерам мы встречались у озера, а рассвет заставал нас в саду. Мы почти не говорили, не клялись в любви, не загадывали о будущем.

Любовь красива чистотой, жизнь - доверием друг к другу. Я не нашел в себе силы утаить от Гали то, что до сих пор рвало мне душу. Долго думал, как начать разговор, но так ничего и не придумал. Я боялся, потому что не знал, как воспримет это Галя. Впервые я с мучительным страхом ждал вечера. Мы встретились. Я посмотрел в Галины глаза, искрящиеся счастьем. Вдруг она оттолкнет меня?.. Нет, не сможет. Наша любовь сильнее нас самих... Я заговорил. На какой-то миг ее глаза потухли, лицо сделалось отчужденным, но это длилось недолго. "Прошлое осталось в прошлом, будущее - наше", - сказала Галя. Галя! Наконец-то мои страдания кончились, сердце обрело покой. Этот летний светлый вечер благословил меня. Мир вокруг стал добрым, прекрасным. Раньше я даже не подозревал, что может быть так хорошо. Я почувствовал себя чуть ли не всемогущим. Я был так счастлив!

Мы решили пойти в кино. Но как только начался фильм, меня позвали к больному. Галя вышла из клуба вместе со мной. Надо было срочно садиться в телегу и ехать в соседнюю деревню, а я никак не мог расстаться с ней. Галя предложила поехать на мотоцикле. Мы так и сделали. У больного пришлось пробыть почти до рассвета. И вот выехали в обратный путь. Я сел на заднее сиденье. Загорелые руки Гали крепко держали руль. Мне хотелось, чтобы она выпустила его из рук, прижалась ко мне, и чтобы я никогда, никогда не отпускал ее, не разжимал объятий.

"Если любишь, надо быть вместе. У нас нет причины тянуть со свадьбой", - думал я, разглядывая темную волнистую прядку на загорелой шее, выбившуюся из косы. Ветер играл с ней как вздумается, потом, видно, устал, оставил в покое. Я попросил Галю остановиться.

- Галя, ты согласна стать моей женой? - нетерпеливо спросил я, едва улеся шум мотора. Галя вдруг смущенно опустила голову, улыбнулась счастливо.

- Если мне суждено стать женой, я стала бы только твоей, - прошептала она. Я с жаром обнял ее, стал осыпать поцелуями. До того, как в утреннем воздухе снова загрохотал мотоцикл, мы успели договориться о свадьбе. И я, и Галя понимали, что мы не сможем жить друг без друга.

...Завтра наша свадьба. Я купил обручальные кольца, положил в карман и, то и дело нащупывая их, словно проверяя, на месте ли, направился в сад, в наш излюбленный уголок. Солнце еще не село, значит, Галя не вернулась с работы, но я не мог утерпеть, чтобы не зайти сюда. Душа пела, соловьи в саду тоже заливались. Вот и заветная скамейка под березой. Но что это?! Боже, как это возможно?.. На нашем месте сидела Надя. В желтом платье, не покрашенная, волосы распущены. От неожиданности я застыл на месте, не в силах сказать ни слова.

- Гена, дорогой мой! - Надя вскочила и кинулась ко мне.

- Откуда ты взялась? - потерянно спросил я.

- Как - откуда? Приехала в гости. Бабушка велела погулять, подышать свежим воздухом... - Она говорила еще что-то, но я не разобрал ее слов.

- Ты можешь раз в жизни сказать правду? Галя твоя...

- Сестра. Она моя старшая сестра.

Я качнулся, словно меня ударили по голове. Надя обхватила руками мою шею. У меня не было сил даже оттолкнуть ее. Я стоял словно сухое дерево, сраженное молнией. Надя что-то щебетала, но я разобрал только отдельные слова:

- Скоро родится ребенок. Твой ребенок. Как я буду одна, без работы, без специальности? Пожалей ребенка, не бросай меня...

Она продолжала говорить, но я уже не слышал ее. В ушах стоял шум мотора, он все усиливался, пока не закрыл собой весь белый свет. Голова кружилась, ноги подкашивались. Я тяжело опустился на скамейку. В один миг все вокруг словно накрыло темным пологом. Надя попыталась обнять меня, но я грубо оттолкнул ее, расстегнул ворот рубашки. Все было кончено.

(Окончание следует)

11-16

Индекс 73770

1 '97, 1-168

ЛИК Чувашии